

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет юридический
Кафедра теории и истории государства и права
Направление 40.04.01 - Юриспруденция
Магистерская программа: Теория и история государства и права, история
правовых учений

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой
_____ А.В. Умрихин
« _____ » _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему: Становление и развитие института уголовной ответственности за
коррупционные преступления

Исполнитель студент группы 521-ом	_____	С.В. Холонькова
	(подпись, дата)	
Руководитель канд. юр. наук, доцент	_____	Т.П. Бутенко
	(подпись, дата)	
Руководитель магистерской программы проф. филос. наук	_____	А.П. Герасименко
	(подпись, дата)	
Нормоконтроль	_____	О.В. Громова
	(подпись, дата)	
Рецензент канд., юр. наук	_____	Д.А. Лисниченко
	(подпись, дата)	

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет юридический
Кафедра теории и истории государства и права

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

_____ А.В. Умрихин
«_____» _____ 2015 г.

З А Д А Н И Е

К выпускной магистерской диссертации студентки С.В. Холоньковой

1. Тема выпускной магистерской диссертации: Становление и развитие института уголовной ответственности за коррупционные преступления (утверждена приказом от 27.03.2017 № 671-уч)

2. Срок сдачи студентом законченной работы: 10.06.2017 года

3. Исходные данные к выпускной магистерской диссертации: работы заслуженных ученых, таких как А.А. Аслаханова, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, А.С. Горелика, А.И. Долговой, Б.В. Здравомыслова, О.Х. Качмазова, А.К. Квициния, А.И. Кирпичникова, В.Н. Кудрявцева и др.

4. Содержание выпускной магистерской диссертации (перечень подлежащих разработке вопросов): определение понятия и признаков коррупционных преступлений, рассмотрение видов коррупционных преступлений, история развития российского законодательства об уголовной ответственности за коррупционные преступления, уголовная ответственность за коррупционные преступления по уголовному кодексу Российской Федерации.

5. Перечень материалов приложения: (наличие чертежей, таблиц, графиков, схем, программных продуктов, иллюстративного материала и т.п.): нет.

6. Консультанты по выпускной магистерской диссертации (с указанием относящихся к ним разделов): нет.

7. Дата выдачи задания: 10.10.2015.

Руководитель выпускной магистерской диссертации: Бутенко Т.П., канд. юрид. наук, доцент.

Задание принял к исполнению: 10.10.2015 _____

РЕФЕРАТ

Магистерская работа содержит 102 страниц, 102 источника.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КОРРУПЦИЯ, УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Объектом данной работы выступают общественные отношения, связанные с разработкой, принятием и применением уголовно-правовых мер противодействия коррупционным преступлениям.

Предмет исследования составляют законодательство об уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей развития норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить понятие и признаки коррупционных преступлений;
- рассмотреть виды коррупционных преступлений;
- изучить законодательство X – начала XX века об уголовной ответственности за коррупционные преступления;
- исследовать уголовную ответственность за коррупционные преступления в период с 1917 по 1996 гг.;
- выявить особенности правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления;
- сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за коррупционные преступления.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1 Институт уголовной ответственности за коррупционные преступления	7
1.1 Понятие и признаки коррупционных преступлений	7
1.2 Виды коррупционных преступлений	15
2 История развития российского законодательства об уголовной ответственности за коррупционные преступления	20
2.1 Законодательство X – начала XX века об уголовной ответственности за коррупционные преступления	20
2.2 Уголовная ответственность за коррупционные преступления в период с 1917 по 1996 гг.	40
3 Уголовная ответственность за коррупционные преступления по Уголовному кодексу Российской Федерации	56
3.1 Особенности правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления	56
3.2 Предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за коррупционные преступления	79
Заключение	92
Библиографический список	95

ВВЕДЕНИЕ

Коррупция как особое социальное явление существует в любом обществе, которое нуждается в управлении, и искоренить ее полностью невозможно. Значимость исследования проблемы усиливается и тем, что исторически Россия переживает переходный период. В условиях политической нестабильности, неразвитости и несовершенства законодательства, неэффективной работы органов власти, слабости институтов гражданского общества, неразвитой политической культуры граждан и отсутствии прочных демократических традиций сложно разработать и реализовать на практике мероприятия, способствующие снижению распространенности коррупции в государственных структурах до уровня, не препятствующего поступательному развитию общества.

Проблема коррупции, беспрецедентного разрастания ее масштабов представляет собой серьезную угрозу функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии и правам человека, затрудняет экономическое развитие и угрожает нормальному функционированию рыночной экономики. Коррупция слишком дорого обходится государству и народу (в том числе и материально). Коррупция в России остается одним из наиболее опасных явлений, реально угрожающих национальной безопасности страны.

Сложность обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и наказания за коррупционные преступления состоит в том, что сама сущность данных общественно-опасных деяний имеет не только скрытый, но и согласительный характер совершения. В большинстве случаев коррупция не влечет за собой жалоб, так как обе стороны, участвующие в ней, получают выгоду от незаконной сделки. Даже вымогательство взятки очень редко может быть обжаловано, поскольку люди далеко не всегда испытывают доверие к процессу борьбы с коррупцией.

Изложенное свидетельствует о высокой степени актуальности изучения истории уголовно-правовой борьбы с коррупционными преступлениями.

Исследование уголовно-правовых аспектов коррупционных преступлений нашло отражение в научных работах А.А. Аслаханова, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, А.С. Горелика, А.И. Долговой, Б.В. Здравомыслова, О.Х. Качмазова, А.К. Квициния, А.И. Кирпичникова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.С. Лейкиной, Ю.И. Ляпунова, В.В. Лунеева, Г.М. Миньковского, Ш.Г. Папиашвили, А.А. Пионтковского, А.Я. Светлова, В.И. Соловьева, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, Б.С. Утевского, В.Н. Ширяева, А.Я. Эстрина, В.Е. Эминова, П.С. Яни и других ученых.

Объектом данной работы выступают общественные отношения, связанные с разработкой, принятием и применением уголовно-правовых мер противодействия коррупционным преступлениям.

Предмет исследования составляют законодательство об уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей развития норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить понятие и признаки коррупционных преступлений;
- рассмотреть виды коррупционных преступлений;
- изучить законодательство X – начала XX века об уголовной ответственности за коррупционные преступления;
- исследовать уголовную ответственность за коррупционные преступления в период с 1917 по 1996 гг.;
- выявить особенности правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления;
- сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за коррупционные преступления.

Методологической основой работы служит метод познания и анализа рассматриваемых явлений. Также были использованы общенаучные методы

исследования – исторический и логический, анализ и синтез, дедукция и индукция.

Положения исследования основываются на Конституции Российской Федерации, международных правовых актах, Уголовном кодексе РФ, иных российских законах и нормативно-правовых актах, Постановлениях и определениях Верховного Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в формулировании предложений по совершенствованию уголовного законодательства с учетом результатов осуществлённого анализа истории развития и современного правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Структурно настоящая работа состоит из введения, двух глав, включающих восемь параграфов, заключения, а также библиографического списка.

1 ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1 Понятие и признаки коррупционных преступлений

Коррупция – общественно опасное противоправное деяние, и это не вызывает никаких сомнений. Данная категория рассматривается специалистами неоднозначно. Это относится и к правовой оценке, и к криминологической сущности явления, что однозначно сказывается на организации реального противодействия коррупции в целом и конкретным коррупционным преступлениям.

В уголовном законодательстве нет нормативно закрепленного понятия «коррупционное преступление». Однако соответствующее определение необходимо, так как позволяет законодательным и правоприменительным органам, эффективнее осуществлять правотворческую и правоприменительную деятельность.

Сознавая негативное социальное значение коррупции, мировая общественность предпринимает усилия, направленные на борьбу с ней. Так, 27 января 1999 г. Советом Европы была принята Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Организацией Объединенных наций принята Конвенция против коррупции 31 октября 2003 г. Отмечается также, что в различных странах осуществляются меры, направленные на создание механизма сдержек и противовесов в отношении политических руководителей и высокопоставленных должностных лиц. Этот механизм предусматривает прозрачность информации о действиях, финансовых средствах, доходе и имуществе этих лиц¹.

Подобные механизмы задействованы во многих странах, в том числе, в России. Они также включаются в общую систему противодействия транснациональной преступности (включая борьбу с отмыванием денег, распростра-

---

¹ Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней / отв. ред. В.А. Номокотов. Владивосток, 2004. С. 104.

нением наркотиков и терроризмом)².

Положения ратифицированных Российской Федерацией конвенций уже применяются на практике, действуют непосредственно.

Примером этого служит определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2006 г. № 64 «Об отказе к рассмотрению жалобы гражданина Скворцова Н.Б. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации, пункта 2 части первой ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», пунктом 3 ст. 20 и абзацем 6 п. 1 ст. 20. 1 Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации». Предметом жалобы является применение к Скворцову Н.Б., осужденному за получение взятки к лишению свободы, дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности на государственной службе, в органах самоуправления и заниматься административно-хозяйственной деятельностью сроком на три года.

В обосновании отказа в принятии к рассмотрению этой жалобы Конституционный Суд РФ указал: «Установление в законе наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера, согласуется с положениями Конвенции ООН против коррупции и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, которые предусматривают в целях обеспечения выполнения договаривающимися сторонами обязательств по защите демократических институтов и ценностей, предупреждению, искоренению коррупции и формированию антикоррупционной политики установление временного запрета на занятие определенных должностей в публичном и частном секторах лицами,

---

² Волженкин Б.В. Отмывание денег. СПб., 1998. С. 15; Михайлов В.И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. СПб., 2002. С. 52.

осужденными за преступления коррупционного характера»³.

Эти и другие положения указанных выше конвенций, определяя уголовную политику Российской Федерации, неизбежно повлияют на уголовное законодательство. Обязательное применение в качестве дополнительного наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к лицу, осужденному за получение взятки, является данностью текущего дня.

Анализируя систему коррупционных преступлений отметим, что понятие «преступления коррупционного характера» гораздо шире понятия «взятничество».

Из этого следует, что указанная в определении Конституционного Суда РФ политика должна распространяться и на все другие преступления, относящиеся к этой группе. Это означает не только грядущие изменения в признаках отдельных преступлений или дополнение Особенной части УК новыми статьями, но также изменение наказуемости преступлений коррупционного характера, включая и фактическую их наказываемость.

Для обособления группы преступлений коррупционного характера необходимо определить их существенные признаки, выделив их из основного системообразующего понятия «коррупция». Задача является не простой. По справедливому замечанию Т.В. Кондрашовой, «коррупция» не уголовно-правовое, а социально-криминологическое понятие, которое может рассматриваться в нескольких (различных) аспектах⁴.

Г.К. Мишин определяет коррупцию как явление, в сфере социального управления, выражающееся в злоупотреблении субъектами управления своими властными полномочиями путем их использования в личных индивиду-

---

³ Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 г. № 64-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скворцова Николая Борисовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации, пункта 2 части первой статьи 16 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации", пунктом 3 статьи 20 и абзацем шестым пункта 1 статьи 20.1 Федерального закона "Об основах муниципальной службы в Российской Федерации" // Документ ОФИЦИАЛЬНО опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кондрашова Т.В. Уголовная ответственность за взяточничество. Екатеринбург, 2013. С. 27.

альных или групповых, материальных или иных целях⁵.

В.С. Комиссаров считает, что коррупция – это использование субъектом управления властных полномочий вопреки интересам службы из личной заинтересованности⁶.

Г.Н. Борзенков определяет коррупцию как социальное явление, заключающееся в разложении управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях⁷.

С.В. Максимов рассуждает о коррупции как о явлении продажности (подкупаемости) государственных чиновников. Однако в развернутом определении этого явления акцентирует свое внимание на субъектах преступной деятельности и их целях: «Коррупция – это использование государственными, муниципальными или иными публичными служащими (в том числе, депутатами и судьями) либо служащими коммерческих или иных организаций (в том числе международных) своего статуса для незаконного получения каких-либо благ (имущества, права на него, услуг или льгот, в том числе немущественного характера) либо предоставление последним таких преимуществ»⁸.

Н.А. Лопашенко, не разделяя широкого понимания коррупции, предлагаемого С.В. Максимовым, полагает, что «обязательным признаком коррупции выступает обусловленная подкупом продажность должностных лиц и служащих различных категорий. В основе коррупции всегда лежит незаконная сделка между представителем власти и управления любого уровня и заинтересованными в их определенном поведении лицами, группами лиц, организациями»⁹.

Как видно, всеми указанными выше авторами коррупция определяется как социальное явление. Это хотя и справедливо, но все же не позволяет

---

⁵ Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М., 1991. С. 12.

⁶ Комиссаров В.С. Уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией // Вестник Московского университета. 1993. № 1. С. 28.

⁷ Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник Московского университета. 1993. № 1. С. 30.

⁸ Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2000. С. 9

⁹ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 404.

определить существенные уголовно-правовые признаки преступлений коррупционного характера. Для решения данной задачи необходимо установить именно уголовно-правовые критерии оценки социального явления. Ее инструменты ограничены совокупностью типичных (основных и дополнительных) признаков составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ.

В этом аспекте все перечисленные позиции являются схожими. Они выделяют два существенных признака:

- злоупотребление, т.е. деяние, совершенное лицом, уполномоченным властью;
- корыстная или иная личная заинтересованность.

С учетом рассмотренных взглядов на сущность коррупции преступлением коррупционного характера можно считать любое должностное (или служебное) преступление, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности. Следовательно, таковым можно считать и злоупотребление служебными полномочиями в целях, например, хищения, присвоения, растраты.

По мнению А.И. Долговой «коррупцию как сложное масштабное социальное явление можно трактовать как акты, метод и практику подкупа – продажности, когда один субъект, занимающий определенное служебное положение и (или) наделенный определенными полномочиями, подкупается другими субъектами ради того, чтобы соответствующее служебное положение, полномочия были использованы в интересах подкупающей стороны»¹⁰. Как видно из данного определения, автором делается акцент на подкупе как важном элементе коррупционных преступлений.

Аналогичной позиции в определении коррупции придерживается Н.Ф. Кузнецова¹¹.

---

¹⁰ Долгова А.И. Коррупция и организованная преступность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. № 1. С. 25.

¹¹ Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник Московского университета. 1993. № 1. С. 21.

Она согласуется с той, которая получила отражение в международно-правовых актах, ратифицированных Российской Федерацией. Так, в главе II Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию определяются следующие виды коррупционных преступлений:

- активный подкуп национальных государственных должностных лиц (ст. 2);
- пассивный подкуп национальных государственных должностных лиц (ст. 3);
- подкуп членов национальных государственных собраний (ст. 4);
- подкуп иностранных государственных должностных лиц и членов иностранных государственных собраний (ст. ст. 5 и 6);
- активный и пассивный подкуп в частном секторе (ст. ст. 7 и 8);
- подкуп должностных лиц международных организаций (ст. 9); 7) подкуп членов международных парламентских собраний (ст. 10);
- подкуп судей и должностных лиц международных судов (ст. 11);
- использование служебного положения в корыстных целях (ст. 12);
- отмывание денег, полученных от коррупционных преступлений (ст. 13);
- преступления, касающиеся операций со счетами (ст. 14).

Дополнительным протоколом к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (от 15 мая 2003 г.) круг коррупционных преступлений расширен. В него дополнительно включены:

- активный подкуп национальных третейских судей (арбитров);
- пассивный подкуп национальных третейских судей (арбитров);
- подкуп иностранных третейских судей (арбитров); подкуп национальных присяжных заседателей;
- подкуп иностранных присяжных заседателей.

Двенадцать из пятнадцати видов коррупционных преступлений, перечисленных в указанной выше Конвенции, трактуются исключительно как

подкуп и различаются только по его субъектам. Следовательно, существуют веские основания считать, что подкуп является признаком коррупционного преступления.

На основании изложенного можно сделать предварительный вывод о двух типичных признаках преступлений коррупционного характера. К ним относятся:

- подкуп;
- злоупотребление полномочиями в корыстных целях (из корыстной заинтересованности), сопряженное с подкупом.

Необходимо уточнить и признаки субъектов преступлений коррупционного характера.

Взгляды на коррупционные преступления, получившие отражение в специальной литературе, как правило, ориентированы на продажность власти. Такая позиция имеет под собой основания, так как вопрос об ответственности за взяточничество как деяние, противоречащее, прежде всего, интересам власти, исторически предшествовал решению вопросов криминализации злоупотреблений полномочиями в других сферах общественных отношений.

Однако, социальная реальность коррупционных преступлений гораздо многообразнее продажности власти. Это подвигает некоторых авторов на выделение «особых» видов коррупционных преступлений. Так, В.Т. Гайков и А.М. Минькова отмечают: «Мощным фактором, облегчающим проникновение криминала в сферу «чистой» экономики, является коррупция в негосударственной сфере, так называемая «частная» коррупция»¹².

Полагаем, что на сегодняшний день пора признавать злоупотребления управленцев в частной сфере особой формой коррупции и осуществлять борьбу с ней, основываясь на тех же принципах, что и при борьбе с коррупцией в системе государственной власти, так как опасность данного явления

---

¹² Гайков В.Т., Минькова А.М. Транснациональная преступность и «частная» коррупция // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2010. С. 199.

не менее велика. При этом перечень коррупционных деяний примерно соответствует аналогичным для государственной коррупции.

Исходя из содержания международно-правовых обязательств России, в ее уголовном законодательстве должны быть приняты меры, «необходимые для квалификации в качестве преступлений коррупционного характера поведения, касающегося»:

- 1) должностных лиц, исполняющих публичные функции;
- 2) членов национальных публичных собраний;
- 3) лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях;
- 4) лиц, являющихся членами парламентских собраний международных или национальных организаций;
- 5) лиц, занимающих судебные должности (или должностных лиц любого международного суда);
- 6) национальных третейских судей (арбитров) (в пределах национальной судебной системы);
- 7) национальных присяжных заседателей (в пределах национальной судебной системы);
- 8) иностранных присяжных заседателей.

Все перечисленные лица рассматриваются в качестве субъектов коррупционных преступлений.

Таким образом, можно выделить три типичных уголовно-правовых признака преступлений коррупционного характера:

- 1) активный и пассивный подкуп;
- 2) надлежащий субъект (публичное должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих и иных организациях, а также лица, исполняющие функции арбитров или присяжных заседателей);
- 3) злоупотребление надлежащего субъекта своими полномочиями в рамках осуществляемых им функций, совершенное в корыстных целях в обстоятельствах подкупа, либо сопряженное с ним из корыстной заинтересо-

ванности.

1.2 Виды коррупционных преступлений

Исследованию проблемы борьбы с коррупционными преступлениями посвящено множество работ различных ученых, в которых они были рассмотрены с различных точек зрения. Однако, до сих пор отсутствует единое понимание перечня деяний, которые следует относить к коррупционным.

Как ни странно, не смотря на закрепление в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» законодательной трактовки термина «коррупция», до настоящего времени в науке не сложилось единого определения преступлений коррупционной направленности. Более того, нормативное определение «преступление коррупционной направленности» подверглось критике в научной литературе, в частности А.В. Воробьев пишет: «Законодательное определение коррупции носит собирательный характер, применимо только в узком смысле и не содержит точного определения признаков коррупции, и, как отмечают некоторые ученые, не охватывает многие преступные деяния, имеющие коррупционную сущность»¹³.

Анализ научной литературы показывает, что в ней представлено множество различных классификаций преступлений коррупционной направленности, что, М.А. Новиковой рассматривается «как следствие, отсутствие четкого законодательного определения коррупции и коррупционных преступлений повлекло появление различных научных взглядов на данное явление»¹⁴.

Рассмотрим отдельные классификации преступлений коррупционной направленности, существующие в научной литературе.

По такому классификационному критерию как сфера общественных отношений, в которой совершаются коррупционные преступления, по мнению А.Ю. Проскуряковой, они делятся на следующие виды:

---

¹³ Воробьев А.В. Современные подходы к понятию коррупции, коррупционной преступности и коррупционного преступления // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. Вып. 4. С. 218.

¹⁴ Новикова М.А. Коррупционные преступления в сфере благоустройства и коммунального хозяйства как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 134.

«1) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие законную деятельность государственных органов и учреждений;

2) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие функционирование публичной власти в соответствии с задачами должностных лиц, законодательством, а также авторитетом публичной власти;

3) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие законную деятельность государственных органов и учреждений;

4) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие законную деятельность правоприменительных органов;

5) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие интересы предпринимательства в различных зрелищных соревнованиях и конкурсах;

6) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие законные интересы в сфере управления организациями и учреждениями;

7) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие беспристрастное управление деятельностью коммерческих организаций»¹⁵.

По способу совершения, по кругу лиц, участвующих в совершении преступления, по уровню служебной деятельности субъекта коррупционного преступления, по времени осуществления коррупционной деятельности, по предмету преступного посягательства, в криминалистической литературе все коррупционные деяния можно делить на следующие группы:

1) коррупционные преступления в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 285.1, 285.2, 289, 292, ч. 1 ст. 292.1 УК РФ);

2) коррупционные преступления, совершаемые путем подкупа (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 1,2,4 ст. 184, ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ);

3) коррупционные преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности и службы в коммерческих и иных организациях (ст. 170, 201,

---

¹⁵ Проскуракова А.Ю. Понятие и виды коррупции // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции. Тамбов, 2013. С. 484.

202 УК РФ)¹⁶.

В свою очередь Е.В. Коломийченко и А.А. Зеленцов, не приводят классификацию либо конкретный перечень преступлений коррупционной направленности, а лишь определяют коррупционное преступление следующим образом: «корыстное ненасильственное преступление, связанное с незаконным использованием должностного (служебного) положения или особого статуса физического лица, позволяющего оказывать влияние на проведение каких-либо общественных мероприятий»¹⁷.

Большинство ученых все же считают необходимым перечислять конкретные виды преступлений, которые, по их мнению, могут быть отнесены к коррупционным.

Так, Е.А. Пластинина, говоря о том, что коррупция имеет множество проявлений, указывает, что наиболее распространенными преступлениями коррупционной направленности являются: «мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, взяточничество, служебный подлог»¹⁸.

Некоторые ученые признают, что большое количество деяний, которые могут быть отнесены к коррупционным преступлениям, позволяет их разделить на две группы:

- «1) безусловные преступления коррупционной направленности;
- 2) преступления коррупционной направленности при соблюдении определенных условий.

К числу преступлений коррупционной направленности без дополнительных условий отнесены составы, регламентированные: ст. ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 204, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. ст. 289,

---

¹⁶ Головин А.Ю., Бугаевская Н.В. Особенности расследования коррупционных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 57.

¹⁷ Коломийченко Е.В., Зеленцов А.А. Общая характеристика преступлений коррупционной направленности в России // Евразийский юридический журнал. 2012. № 9. С. 125.

¹⁸ Пластинина Е.А. Виды коррупционных преступлений и ответственность за них: анализ и практика // Вестник Пермского университета. 2011. № 1. С. 146.

290, 291, 291.1 УК РФ»¹⁹.

В свою очередь Р.Г. Тляумбетов и А.Р. Хамадьярова, не соглашаясь с указанным подходом указывают: «К числу данных преступлений целесообразно относить только те, которые без каких-либо условий или оговорок относятся к таковым, а именно: нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; оказание противоправного влияния на результат официального соревнования или зрелищного коммерческого конкурса; коммерческий подкуп; получение взятки; ст. 291 УК РФ Дача взятки; ст. 291.1 УК РФ Посредничество во взяточничестве»²⁰.

Следует отметить, что взгляды на коррупционные преступления, получившие отражение в специальной литературе, как правило, ориентированы на продажность власти. Такая позиция имеет под собой основания, так как вопрос об ответственности за взяточничество как деяние, противоречащее, прежде всего, интересам власти, исторически предшествовал решению вопросов криминализации злоупотреблений полномочиями в других сферах общественных отношений.

Однако, социальная реальность коррупционных преступлений гораздо многообразнее продажности власти. Это подвигает некоторых авторов на выделение «особых» видов коррупционных преступлений. Так, В.Т. Гайков и А.М. Минькова отмечают: «Мощным фактором, облегчающим проникновение криминала в сферу "чистой" экономики, является коррупция в негосударственной сфере, так называемая "частная" коррупция»²¹.

Полагаем, что на сегодняшний день пора признавать злоупотребления управленцев в частной сфере особой формой коррупции и осуществлять

---

¹⁹ Авдеев В.А., Авдеева О.А. Стратегические направления противодействия коррупции в РФ // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 21.

²⁰ Тляумбетов Р.Г., Хамадьярова А.Р. Понятие коррупции и виды коррупционных преступлений // European Science. 2016. № 12 (22). С. 61.

²¹ Гайков В.Т., Минькова А.М. Транснациональная преступность и «частная» коррупция // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2000. С. 199.

борьбу с ней, основываясь на тех же принципах, что и при борьбе с коррупцией в системе государственной власти.

Следует отметить, что в настоящее время действует Указание Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»²². В Перечне № 23 данного нормативно-правового акта приведены виды преступлений коррупционной направленности, разбитые на 2 группы:

1) Преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий (ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ).

2) Преступления, относящиеся к перечню при наличии определенных условий, которые также делятся на 7 групп (ст. 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210; ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309; пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. 170, 201, 202, ч. 2 ст. 258.1, ст. 285, 285.1, 285.2, 285.3, чч. 1 и 2 и п. «в» ч. 3 ст. 286, ст. 292, чч. 2 и 4 ст. 303, ст. 305; ч. 4 ст. 188, п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «в» ч. 2 ст. 229, чч. 3 и 4 ст. 229.1; чч. 3 и 4 ст. 183, п. «б» ч. 4 ст. 228.1, п. «б» ч. 2 ст. 228.4, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 258.1, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 260, чч. 1 и 3 ст. 303, ст. 322.1, 322.2, 322.3; п. «б» ч. 3 ст. 228.1 (дата < 01.01.2013); чч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 159, чч. 3 и 4 ст. 159.1, чч. 3 и 4 ст. 159.2, чч. 3 и 4 ст. 159.3, ст. 159.4, чч. 3 и 4 ст. 159.5, чч. 3 и 4 ст. 159.6, чч. 3 и 4 ст. 160, чч. 3 и 4 ст. 229; ч. 5 ст. 228.1).

На основании изложенного мы пришли к выводу о том, что к коррупционным преступлениям необходимо относить деяния, указанные в перечне № 23, который утвержден Указанием Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016.

---

²² Указание Генпрокуратуры России от 13.12.2016 № 797/11, МВД России № 2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1 Законодательство X – начала XX века об уголовной ответственности за коррупционные преступления

В рамках настоящей главы магистерской диссертации будет рассмотрена история развития норм об уголовной ответственности за отдельные коррупционные преступления такие как: взяточничество (дата, получение взятки и посредничество во взяточничестве, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий).

Взяточничество.

Взяточничество, хотя и приобрело в современных условиях беспрецедентные размеры и проявляется в новых формах, уходит корнями в древность²³, в связи с чем представляется не только интересным, но и необходимым проследить основные вехи формирования на законодательном уровне ответственности за преступление, являющееся наиболее распространенной и опасной формой должностного преступления.

Появление коррупции в России как социального явления тесно связано с традициями общества в период становления государственности на Руси в IX-X вв., когда представители государственной власти обеспечивались общиной по нормам, установленным главой государства. Однако установленные нормы не могли быть едины для всех чиновников. В Русской Правде в целях установления единых норм по обеспечению государственных чиновников было сделано указание на размеры этого обеспечения общиной²⁴. Однако каких-либо санкций за несоблюдение данных положений законодательства, как членами общины, так и государственными чиновниками, не предусматривалось. В результате это обстоятельство порождало неисполнение

---

²³ Вейберт С.И. Взяточничество: проблемы квалификации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 26.

²⁴ Российское законодательство IX-X веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 88, 108.

правовых норм, как со стороны государственных чиновников, так и со стороны членов общины. В таких случаях становились неизбежными конфликты между этими сторонами.

Оценка взяточничества как вредного, а впоследствии и общественно опасного деяния стала складываться в отечественном уголовном праве еще в период феодальной раздробленности²⁵. Из числа преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления взяточничество является самым ранним. Уже в Новгородской и Псковской судных грамотах запрещалось князю и посаднику принимать «тайные посулы». Уже с этого времени слово посульник понималось в качестве взяточника²⁶.

В период образования русского централизованного государства появляется запрет сулить, просить и принимать посулы. Такое запрещение содержится в статьях Судебника 1497 года. Однако ни в одной статье мы не находим уголовного наказания за эти действия, хотя, конечно следует учитывать новизну и значимость этих норм. Этот недостаток был исправлен в Судебнике 1550 года (ст.ст. 3-5, 8-11, 32, 33, 39, 42, 53, 74), где впервые упоминается наказание за взятки. Следует отметить, что в это время взяточничество приобретает особый размах за счет действующей на Руси системы кормления, при которой наместники содержались за счет населения. При этом преступлением признавалось в основном получение «посулов» при отправлении правосудия и превышение должностными лицами (кормленщиками) установленных центральной властью пошлин, т.е. «лишка»²⁷. Вместе с тем было предусмотрено наказание за ложное обвинение должностных лиц в превышении взимаемых пошлин (лихоимстве).

Ответственность за взяточничество была предусмотрена и Соборным

---

²⁵ Уголовное право. Часть Особенная / отв. ред. И.Я. Казаченко, З.А. Мезнамова, Г.Л. Новоселов. М., 1997. С. 606.

²⁶ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. С. 390.

²⁷ Линовский В.А. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847. С. 31.

Уложением 1649 года²⁸. Однако она применялась в основном в области правосудия – уголовному наказанию подвергался судья, вынесший за взятку неправильное решение (ст. 5 главы 10 Соборного Уложения). Новеллой данного правового акта явилось упоминание о посредничестве во взяточничестве (ст.ст. 7-9), хотя наказание за это деяние пока не было установлено. Уголовному наказанию подвергалось лишь лицо, которое взяло деньги от имени судьи и якобы для него, но в действительности без его ведома (сегодня такие действия квалифицируются как мошенничество).

Продолжателем борьбы со взяточничеством стал Петр I. Именно при нем появились в русском законодательстве термин и понятие «лихоимство». Этим термином именовалось получение любого рода посулов (взяток), а также незаконные поборы с населения. Указ от 24 декабря 1714 г. запрещал чиновникам иметь иное вознаграждение за свой труд, кроме жалования. Таким образом, лихоимство объявлялось преступным деянием. Было ужесточено наказание за взятки, вплоть до политической и даже смертной казни²⁹. Особо суровое наказание за взяточничество содержалось в Артикуле воинском Петра I от 26 апреля 1715 г. – в виде смертной казни.

Время Петра I характеризуется массой громких судебных и политических процессов над взяточниками. Типичен для того времени эпизод, когда после многолетнего следствия был изобличен во взяточничестве и повешен сибирский губернатор Гагарин. А потом, через три года, четвертовали по этой же самой причине обер-фискал Нестерова, который изобличал Гагарина. Во взяточничестве были обвинены московский губернатор К. Нарышкин, адмирал Апраксин, сенатор Долгоруков³⁰.

Позднее, в период правления Екатерины II, и, далее, Александра I, был замечен рост наблюдаемого явления, в связи с чем был издан ряд указов, усиливающих ответственность за данное преступление, а также меняющих

---

²⁸ Российское законодательство X-XX веков: 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. С. 102-106.

²⁹ Там же. С. 391.

³⁰ Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России // Международная торговля и торговая политика. 2013. № 9-10 (79). С. 174.

положение чиновников.

Следующим важным шагом на пути совершенствования законодательства об ответственности за взяточничество стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года, где в главе «О мздоимстве и лихоимстве» под общим понятием лихоимства объединены: незаконные поборы (под видом государственных податей); вымогательство; взятки. Следует констатировать, что определение этих понятий в законе отсутствует, но учеными были предприняты попытки установить их путем толкования судебной практики. При этом введение ответственности за мздоимство – вознаграждение является новеллой Уложения³¹. К достоинствам Уложения следует отнести и определение конструкции состава взяточничества (как формального). Также в Уложении впервые введена уголовная ответственность взяточдателей и посредников.

Ст. 401 Уложения говорила об ответственности чиновника или иного лица, состоящего на службе государственной или общественной, который «по делу или действию, касающемуся до обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чем-либо нарушения сих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином». Ст. 402 Уложения предусматривала ответственность за принятие в дар денег, вещей или чего иного «для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы». Как отмечается в научной литературе, здесь мы видим подтверждение тому, как разграничивалось понятие взяточничества, в зависимости от того, при каких условиях происходит данное деяние. В первом случае мы сталкиваемся с мздоимством, во втором – с лихоимством³².

Наказуемость дачи взятки устанавливало также принятое в 1903 г. Уголовное Уложение. И уже согласно данному документу, взяточничество включало в себя мздоимство, лихоимство и вымогательство³³. Его принци-

---

³¹ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 6 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 276.

³² Калугина Н.Г., Калугин С.С. История регламентации ответственности за взяточничество в российском уголовном законодательстве // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. № 3 (7). С. 35.

³³ Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2012. С. 22.

альным отличием стало включение впервые в диспозиции статей о взяточничестве общего понятия служащего, при этом акцент в понимании служащего сделан на некоторых видах должности, а не на общих ее признаках. Следует особо обратить внимание на казуистичность, присущую Уложению 1903 г., которая приводила не только к излишним повторам, дублированию и мелочной детализации, но и к существенным пробелам в законе (закон, карая лихоимство – подкуп и мздоимство – вознаграждение, оставлял безнаказанным лихоимство – вознаграждение)³⁴.

Некоторое усиление уголовной ответственности за взяточничество произошло с принятием в порядке чрезвычайного законодательства закона от 31 января 1916 года. Необходимость этого шага, по мнению Б.В. Волженкина, была вызвана ростом взяточничества в связи с поставками и военными заказами, сделками с недвижимостью, основанием новых кооперативных обществ в начале 20-го века³⁵.

Превышение должностных полномочий.

Историко-правовое исследование развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий дает возможность определить основные закономерности уголовно-правовой борьбы с рассматриваемым преступлением на различных исторических этапах развития российского законодательства.

Истоки формирования ответственности за превышение должностных полномочий необходимо относить к Судебникам 1497 г. и 1550 г., принятие которых связано с усилением власти государя и созданием в XIV-XVI вв. новой системы государственного управления. Являясь своего рода инструкцией для организации судебного процесса, Судебники 1497 г. и 1550 г., вместе с тем, карали лиц, которые осуществляли властные полномочия в области судопроизводства, за частные случаи нарушения этих полномочий. При этом, в противовес Судебнику 1497 г., Судебник 1550 г. включал в себя нормы не

---

³⁴ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 6 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 392.

³⁵ Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины 19-го – начала 20-го века // Правоведение. 1991. № 2. С. 67.

только о неосторожном вынесении неправосудного решения, но и об умышленном неправосудии, связанном с взятием посула.

Норма, непосредственно устанавливающая ответственность за превышение власти, была закреплена в Соборном уложении 1649 г. Так, в ст. 150 гл. X «О суде» писалось: «А которые Воеводы и Дьяки и всякие приказные люди, будучи у Государевых дел в городех, учнут городским и уездным всяких чинов людям чинити продажи и убытки, и в том на них будут челобитчики, и сыщется про их продажи и про насильство допряма: и на тех Воеводах по сыску всякое правити тем людям, кого они чего избидят, да на них же имати на Государя пеню, что Государь укажет, смотря по делу»³⁶. Их содержания указанной нормы можно сделать вывод, что законодатель применил обобщенный термин для определения субъектов превышения власти – служащих центральных органов управления (приказов) – «и всякие приказные люди, будучи у Государевых дел». С точки зрения современного уголовного права состав данного преступления был сконструирован по типу материального, так как включал указание на причинение вредных последствий – «продаж и убытков».

Следует отметить, что в Соборном уложении 1649 г. предусматривалась ответственность за определенные виды превышения служебных полномочий. Так, незаконное освобождение губным целовальником разбойника или татя либо похищение изъятого у них имущества каралось кнутом и отстранением от должности (ст. 84 гл. XXI)³⁷.

Тенденция к установлению уголовной ответственности должностных лиц за нарушения в служебной деятельности сохранялась и в законодательных актах XVIII – начала XIX вв.

Признаки превышения должностных полномочий можно найти в нормах Артикула воинского 1715 г. В соответствии с артикулом 33 ответственности подлежали офицеры за насилие над подчиненными солдатами «без

---

³⁶ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3. С. 125.

³⁷ Там же. С. 244.

важных и пристойных причин», «а есть ли он то часто чинить будет, имеет своего чина лишен быть: ибо он тот чин все употребил»³⁸. Согласно артикулу 183, под страхом наказания «смертию» запрещалось отбирать деньги у людей, которые шли через караул³⁹.

Можно заметить, что особенность установления уголовной ответственности за превышение должностных полномочий в Артикуле воинском 1715 г. заключалась в том, что за неправомерные действия по службе наказывались, прежде всего, военные люди, что обусловлено направленностью рассматриваемого нормативно-правового акта на регламентацию отношений, связанных с военной службой.

Также отметим, что понятие «превышение власти» в самый первый раз было применено к действиям министров в § 279 Общего учреждения министерств 1811 г. Здесь под превышением власти понимались ситуации, «когда министр, превысив пределы своей власти, постановит что-либо в отмену существующих законов, уставов или учреждений или же собственным своим действием и миновав порядок, для сего установленный, предпишет к исполнению такую меру, которая требует нового закона или постановления»⁴⁰. В законах «О преступлениях чиновников по службе», составивших раздел V тома XV Свода законов 1832 г., это понятие было распространено на всех должностных лиц (ст. 278)⁴¹.

С.В. Смелова утверждает, что наиболее детально в дореволюционном законодательстве России ответственность за преступления по службе регламентировалась в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁴² В гл. II «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» раздела пятого «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

---

³⁸ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986. Т. 4. С. 334.

³⁹ Там же. С. 361.

⁴⁰ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. С. 122.

⁴¹ Там же. С. 368.

⁴² Смелова С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2009. С. 18.

содержались нормы-дефиниции, раскрывающие понятие «превышение власти». Служащего считали «превысившим власть, ему вверенную, в случае, когда, выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особенному поручению, учинит что-либо в отмену или же вопреки существующих узаконений, учреждений, уставов или данных ему наставлений, или же вопреки установленному порядку предпишет или примет меру, которая не иначе может быть принята, как на основании нового закона, или, присвоив себе права, ему не принадлежащие, самовольно решит какое-либо дело, или же дозволит себе какое-либо действие или распоряжение, на которое нужно было разрешение высшего начальства, не испросив оного надлежащим образом» (ст. 367 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.)⁴³.

Итак, в отличие от предусмотренной ч. 1 ст. 286 УК РФ в приведенной выше норме перечислялись конкретные формы превышения властных полномочий. Не рассматривались как превышение власти согласно ст. 369 Уложения следующие случаи:

«1) когда Министр или другой государственный сановник отступит в своих действиях от обыкновенных правил, по особенному на сей случай или вообще на случай сего рода данному от Верховной Власти уполномочию;

2) когда чиновник или иное должностное лицо, в каких-либо чрезвычайных обстоятельствах, возьмет на свою ответственность принятие также чрезвычайной, более или менее решительной меры, и потом докажет, что она в видах государственной пользы была необходима, или что по настоятельности дела он не мог, без видимой опасности или вреда для службы, отложить принятие сей меры до высшего на то разрешения».

Система наказаний за превышение должностных полномочий по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имела довольно

---

⁴³ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 6 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 266.

непростой порядок, что и указывается в юридической литературе⁴⁴. Дифференцируя ответственность в зависимости от «важности дела» и «сопровождавшим оное обстоятельством», законодатель различал три вида превышения власти. Если последствия действий виновного не были важны, тот подвергался замечанию, выговору или вычету из времени службы (ст. 372). Превышение власти без отягчающих обстоятельств влекло отрешение от должности либо исключение из службы, либо заключение в крепости, а в случаях «особо важных» и лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ со ссылкой (ст. 370). Опасным признавалось превышение власти с целью совершения преступления: виновный приговаривался к высшей мере наказания, определенного за это преступление (ст. 371).

Следует заметить, что в редакции Уложения 1885 г. наказание за превышение власти без отягчающих обстоятельств было смягчено. Такую тенденцию поддержали некоторые правоведы. По мнению А. Лохвицкого, например, «слишком строгое наказание за превышение власти, в особенности чиновников исполнительной части, может совершенно подавить в них энергию, и произвести другое зло – бездействие власти»⁴⁵.

Позитивным моментом в эволюции законодательства стало выделение норм о превышении власти с применением насилия и оружия (ст. 373). В уголовных кодексах России XX в. данные обстоятельства всегда учитывались при конструировании квалифицированного состава рассматриваемого преступления. Вместе с тем современные исследователи справедливо отмечают, что Уложение 1845 г. «положило начало широкому применению оценочных понятий в качестве отягчающих обстоятельств»⁴⁶. В частности, указав критерии применения того или иного наказания, законодатель не провел четкой границы между важными и не важными последствиями превышения

---

⁴⁴ Аксюк В.А. Состояние и тенденции развития преступлений за превышение и злоупотребление военными должностными полномочиями // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2010. № 1. С. 11.

⁴⁵ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 435.

⁴⁶ Шнитенков А.В. Отягчающие обстоятельства в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 51.

власти. Установление степени их важности, как и в настоящее время, было передано на усмотрение суда. По толкованию Сената «все различие, какое существует между 341 и 343 ст. улож. заключается в том, насколько превышение власти представляется важным само по себе, и по тем обстоятельствам и последствиям, которыми оно сопровождалось, но «условием применения 343 ст. ставится не только то, чтобы последствия превышения власти не были важны, но чтобы они и не могли быть таковыми (Приг. 1-XI-88 г., Манькова)»⁴⁷.

В целом преступления по службе определялись как нарушение служебного долга, под которым понимались «закономерность и целесообразность деятельности» в «порядке подчиненного государственного управления». С объективной стороны исследуемое преступление характеризовалось расширением предоставленных либо присвоением не предоставленных законом служащему прав, либо совершением действий, хотя и законных, но без надлежащего разрешения начальства. В решениях Сената по конкретным делам подчеркивалось, что виновный должен совершить, что либо вопреки существующим законам, выступив из пределов и круга действий, которые ему предписаны по должности.

Для обозначения субъекта превышения власти – служащего законодатель использовал разные термины, наиболее распространенными из которых были: «чиновник», «иное должностное лицо», «лицо, состоящее на службе государственной или общественной». Авторы проекта нового Уголовного уложения к служащим относили «лиц, ставших вследствие порученного им участия в государственном управлении в особые юридические отношения как к государственной власти, делегировавшей им власть, так и к гражданам, подчиненным управлению». Эти отношения связывались с наличием у служащих правомочий и служебных обязанностей. Указанные признаки субъекта должностного преступления, на наш взгляд, сохраняют значение и приме-

---

⁴⁷ Трайнин А. О должностных преступлениях (Должностное преступление, должностное лицо, соучастие частных лиц в должностных преступлениях и система должностных преступлений по Угол. Код.) // Право и жизнь. 1924. Кн. IX. С. 43.

нительно к действующему УК РФ.

При признании субъектом превышения власти не имело значения, находился он на службе государственной или общественной, постоянной, пожизненной или срочной, или его полномочия касались одного какого-либо случая. Под службой общественной подразумевалась служба «в сословных, земских, городских или волостных установлениях по определению правительства или по выборам, на таких постах, которые учреждены законом в значении должностей»⁴⁸.

Следует отметить, что и в общей норме-дефиниции закреплялось положение о наделении лица властными полномочиями по «званию, должности, месту или особенному поручению» (ст. 367). В целом в понятии служащего, сложившемся применительно к Уложению 1845 г., были заложены основы для выделения признаков должностного лица в законодательстве России XX в.

В ст. 367 Уложения 1845 г. элементы субъективной стороны превышения власти не выделялись, не последовательны были и разъяснения Сената. Например, в одном из них указывалось, что для составов превышения и бездействия власти «достаточно лишь сознательное действие или бездействие при отправлении своих служебных обязанностей, противопоставляемое неосторожному или невнимательному отношению к своим служебным обязанностям, а вовсе не необходимо со стороны обвиняемого желание, чтобы от допущенного сознательно нарушения служебных обязанностей наступили противоправные последствия или, по крайней мере безразличное отношение к возможности наступления таковых. Следовательно, допускались различные формы вины субъекта преступления по отношению к его действиям и их последствиям. В другом случае Сенат посчитал, что требование о том, чтобы со стороны превысившего власть было умышленное нарушение закона, не разрешающего ему тех или других действий или полагающего известный предел

---

⁴⁸ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 314.

его правам, представляется несогласным с внутренним содержанием статьи 338², прямо устанавливающей, вовсе не упоминая об умысле внешние признаки нарушения⁴⁹.

Отмеченные недостатки Уложения 1845 г. частично были учтены при подготовке Уголовного уложения 1903 г., глава 37 которого «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» в действие так и не вступила. Согласно ч. 1 ст. 636 Уложения 1903 г. превышением власти считалось умышленное или неосторожное действие по службе, не представленное законом, возложенным поручением или хотя и представленное, но не вызывавшееся законными к тому основаниями, либо без разрешения подлежащей власти, если таковое разрешение требовалось законом. Ответственность за неосторожное действие наступала при наличии последствий в виде причинения важного вреда для порядка управления, казенного, общественного или частного интереса.

В ст. 636 Уложения 1903 г. законодатель дифференцировал ответственность за превышение власти. Квалифицированный состав предусматривал наказание за умышленные действия, от которых последовал важный вред для порядка управления, казенного, общественного или частного интереса или опасность такового, а также за употребление насилия над личностью или его угрозы либо за превышение власти по корыстному побуждению. Ответственность усиливалась в случае совершения деяния по корыстному побуждению с причинением важного вреда охраняемым законам интересам или опасностью такого вреда. Наказанием за простое превышение власти был арест, квалифицированное – тюрьма и исправительный дом.

Криминализация содеянного в зависимости от наступивших последствий или их опасности, легальное определение субъекта преступлений по службе –служащего, несомненно, были позитивными моментами в развитии нормы о превышении должностных полномочий. Служащим считалось «ли-

---

⁴⁹ Кенигсон А.В. Проступки и преступления по службе государственной и общественной. Ташкент, 1913. С. 96.

цо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица, или полицейского или иного стража или служителя, или лица сельского или мещанского управления» (ч. 4 ст. 636) . Вместе с тем представляется, что признание уголовно наказуемым превышением власти действий, совершенных по неосторожности, является очевидным недостатком Уложения 1903 г.

В дореволюционный период внимание правоведов было обращено к вопросу о разграничении преступлений по службе от иных противоправных деяний и проступков. По мнению В.Н. Ширяева, «дисциплинарная провинность не выходит за пределы нарушения служебного долга, должностное преступление всегда предполагает, кроме того, посягательство на какое-либо правовое благо»⁵⁰, поэтому объектом такого преступления являются «те правовые блага, распоряжаться которыми должностное лицо может в силу предоставленной ему законом компетенции»⁴. Члены Редакционной комиссии отличали преступные деяния по службе от иных деяний по «служебному способу посягательства», определяя его как «совокупность тех служебных образов и средств, коими обладают органы управления для учинения означенного злоупотребления»⁵¹.

Таким образом, превышение и бездействие власти признавались «только способами злоупотребления властью, т.е. совершения других преступных деяний, а не самостоятельными преступлениями». Другого подхода придерживался профессор В. Есипов, считая, что «преступления эти сохраняют свою самостоятельность лишь поскольку они не переходят в иные общие или должностные преступные деяния»⁵². Следует подчеркнуть, что в Уложениях 1845 и 1903 гг. отсутствовала общая норма о злоупотреблении властью, а к превышению власти относилось и действие по службе, предоставленное законом или поручением, но не вызывавшееся законными к тому основаниями.

---

⁵⁰ Ширяев В.Н. Понятие должностного преступления // Юридический вестник. М., 1913. Книга III. С. 92.

⁵¹ Ширяев В.Н. Об юридической природе должностных преступлений (Доктрина должностных преступлений) // Журнал Министерства Юстиции. 1914. № 3. С. 33.

⁵² Есипов В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. СПб., 1892. С. 7.

Злоупотребление должностными полномочиями.

Исторически уголовная ответственность в законодательстве нашего государства за злоупотребления должностными полномочиями длительное время, по тем или иным причинам, не предусматривалась. В Древней Руси, несмотря на стабильное положение общины и составляющих ее структур, члены которой вступая в торговые и иные отношения руководствовались, прежде всего, нормами обычного права, о самостоятельных общественных объединениях, где могла бы проявиться служебная деятельность, говорить не приходится. Как отмечает А.Д. Сулейманова: «Причинами такого положения были сильная княжеская власть, для которой устойчивая организация представляла угрозу ее существованию; сословный строй; отсутствие рыночных отношений в современном их понимании»⁵³.

Из числа преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления должностное злоупотребление можно отнести к числу самых поздних. Оценка должностного злоупотребления как вредного, недопустимого, а впоследствии и общественно опасного деяния стала складываться лишь в начале XIX века. Связано это, прежде всего, с тем, что в XIX веке произошло небывалое разрастание бюрократического аппарата.

К середине XIX века основным законом, устанавливающим ответственность за преступления и проступки по службе государственной и общественной, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года⁵⁴. Уложение о наказаниях было громадным законом. Оно содержало 2224 статьи, разбитых на 12 разделов, имеющих сложную структуру. Объясняется такая громоздкость Уложения тем, что его разработчикам не удалось преодолеть казуистичность, присущую прежним феодальным уголовным законам.

Не упоминая специально о составе должностного злоупотребления,

---

⁵³ Сулейманова А.Д. Злоупотребления полномочиями по российскому уголовному праву: проблемы квалификации и законодательной регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 51.

⁵⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб., 1889.

Уложение о наказаниях предусматривало ответственность должностных лиц за злоупотребление предоставленным правом (ст. ст. 382, 383). Причем действия чиновников (должностных лиц и всех «состоящих на службе») сводились к тому, что они умышленно пользовались, присваивали или растрачивали вверенное им имущество (денежные суммы, облигации и т. д.). В частности, статья 382 Уложения (ст. 353 в ред. 1866 г. и 1885 г.) предусматривала ответственность чиновников и всех вообще «состоящих на службе» (имеющих «на руках своих какая-либо, казенная или частная, по службе вверенная ему, вещи, денежные суммы, банковые билеты, облигации и т. п.» или же управляющих «по распоряжению правительства, казенным или частным имением») за пользование и употребление чего-либо из вверенного имущества или доходов с оногo «на свои собственные расходы» или же за «ссуждение оногo другим» без «яснаго на то разрешения начальства», а также за присвоение или растрату чего-либо «из сего имущества или доходов».

Исходя из смысла статьи 383 (ст. 354 в ред. 1866 и 1885 гг.) Уложения⁵⁵, наказание должностным лицам, виновным в совершении вышеназванных действий, назначалось в трех случаях: во-первых, когда должностное лицо, растратившее деньги, возвращало «вполне все им растраченное прежде открытия его злоупотребления»; во-вторых, когда должностное лицо возвращало все растраченное им, но уже после открытия его злоупотребления и, наконец, в-третьих, когда должностное лицо не возвращало растраченного и после открытия его злоупотребления. Причем размер наказания напрямую зависел от суммы растраченного, а также от момента возвращения растраченного (присвоенного) имущества.

В связи с последним обстоятельством в составе должностного присвоения (отождествляемого нами с злоупотреблением должностными полномочиями) выделялись два его вида: простой и квалифицированный. Так, если должностное лицо умышленно пользовалось, присваивало или растрачивало имущество на сумму до 300 рублей, т.е. совершало простое присвоение, то

---

⁵⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1889.

ему назначалось наказание в виде тюремного заключения и лишения всех особенных прав и преимуществ. В случае, если должностное лицо совершало квалифицированное присвоение, т.е. присваивало вверенное ему имущество на сумму свыше 300 рублей, то оно подвергалось наказанию в виде лишения всех «особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ», ссылки в Сибирь или направлялось в исправительные арестантские отделения. Смягчающим обстоятельством при назначении уголовного наказания за должностное присвоение или растрату признавался добровольный возврат имущества, причем степень смягчения наказания зависела от того, когда произошел возврат – до или после возбуждения уголовного преследования, но в то же время обязательным условием было возвращение имущества до вынесения приговора.

Следует отметить, что Уложение о наказаниях не содержало общего определения субъекта преступлений по службе государственной или общественной. Причиной сложившейся ситуации являлся тот факт, что к моменту подготовки Уложения 1845 года уголовно-правовая доктрина еще не выработала понятие «должностное лицо», в то время как представители иностранных государств знали три основных варианта решения этого вопроса: в одних случаях в законе давалось общее определение должностного лица или должности; в другом – устанавливался более или менее подробный перечень должностных лиц; в третьем не содержалось ни того, ни другого. Тем не менее, разработчики Уложения взяли за основу второй вариант и в каждом составе должностных преступлений называли лицо – виновный, чиновник, должностное лицо и т. д.⁵⁶

В целом, все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., прямо не указывая признаки злоупотребления должностными полномочиями, в самом общем виде содержало зачатки данного преступления.

---

⁵⁶ Горбик С.А., Горбик А.Г. Публично-правовые основы доктрины ответственности государства за действия должностных лиц в истории права России и зарубежных стран // Закон и правоприменительная практика: материалы II Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2013. С. 247.

Следующим правовым актом, предусматривающим ответственность за злоупотребление должностными полномочиями является Уголовное уложение 1903 г. Как отмечает Е.В. Львович, исходя из текста Уложения 1903 г., можно сделать вывод о том, что под служебными действиями, совершаемыми должностными лицами, злоупотребляющими властью, понимались следующие действия:

1) действия, относящиеся к административной или хозяйственной деятельности учреждения или государственного предприятия и «нарушившие правильное отправление функций этого учреждения или предприятия», а именно, неправильное принятие административно-хозяйственных распоряжений, приказов, неправильное заключение сделок (ст. 638);

2) действия, совершаемые должностным лицом по отношению к другим лицам, при отсутствии требуемых для того законом условий или с нарушением порядка их производства, предписанного законом или законным распоряжением (к таким действиям относились: производство обыска, осмотра или выемки без законного основания, под вымышленным предлогом или в недозволенном порядке (ст. 650 Уложения), а также действия, совершаемые при производстве сборов (ст. 658 Уложения);

3) действия, производимые судьями при вынесении заведомо неправосудного приговора (ст. 675 Уложения);

4) интеллектуальный подлог («актовая ложь»), совершаемый должностным лицом, уполномоченным законом или законным распоряжением власти на выдачу документов (свидетельств, удостоверений о состоянии здоровья, работоспособности, рапортов, донесений, приказов и т. д.) (ст. 667)⁵⁷.

Вместе с тем, Уголовное Уложение 1903 г.⁵⁸ употребляло термин «злоупотребление властью» в статьях Общей части как обстоятельство, усиливающее наказуемость различных форм должностного посягательства. В частности, в ст. 65 Уголовного Уложения говорилось: «на основаниях, опреде-

---

⁵⁷ Львович Е.В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступными: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 43.

⁵⁸ Уголовное Уложение 22 марта 1903 г.. статьи, введенные в действие. СПб., 1911.

ленных 64 статьей, суд может увеличить наказание служащему, виновному в учинений или в участии в учинений общего преступного деяния, или с нарушением отношений служебной подчиненности, или посредством злоупотребления своею обязанностью или полномочием, или посредством угрозы притеснения или иным злоупотреблением властью, или с нарушением долга службы в отношении частных лиц – если за такие нарушения, злоупотребления или угрозу не определены в законе особые наказания. В случае присуждения служащего к аресту за преступное деяние по службе государственной или общественной, суду предоставляется: или заменить арест удалением от должности, или присоединить к аресту удаление от должности. В случае присуждения служащего за преступление по службе государственной или общественной к заключению в тюрьму, не соединенному с лишением прав состояния, суду предоставляется право удалить виновного от занимаемой им должности на время от одного года до пяти лет». Таким образом, в ст. 65 Уголовного Уложения 1903 г. говорилось лишь о факультативном усилении ответственности служащих за совершение злоупотреблений по службе государственной и общественной.

Однако, Уголовное Уложение 1903 г.⁵⁹, хотя и ввело «злоупотребление служебным положением» в статьи Общей части как обстоятельство, усиливающее наказуемость различных форм должностного посягательства, так же, как и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁶⁰, не содержало определения понятия «злоупотребление служебным положением» и отдельной статьи предусматривающую ответственность за должностное злоупотребление.

В заключение настоящего параграфа сделаем следующие выводы.

Появление коррупции в России как социального явления тесно связано с традициями общества в период становления государственности на Руси в IX-X вв. Первые нормы об уголовной ответственности за получение взятки

---

⁵⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1889.

⁶⁰ Уголовное Уложение 22 марта 1903 г.. Статьи, введенные в действие. СПб., 1911.

можно встретить в Новгородской и Псковской судных грамотах, где были запрещены «тайные посулы». С этого времени слово посульник понималось в качестве взяточника. Судебник 1497 года также запретил посулы, однако, четко не установил, что за нарушение указанного запрета виновный может быть привлечен к уголовной ответственности. Этот недостаток был исправлен в Судебнике 1550 года, где впервые упоминается наказание за взятки. При этом преступлением признавалось в основном получение «посулов» при отправлении правосудия и превышение должностными лицами (кормленщиками) установленных центральной властью пошлин, т.е. «лишка». В Соборном уложении 1649 года уголовная ответственность за получение взятки устанавливалась главным образом для судьи, которые вынес неправомерное решение. В качестве особенности Соборного уложения 1649 года следует выделить упоминание о посредничестве во взяточничестве, хотя уголовная ответственность за него еще не была установлена.

При Петре I появился в русском законодательстве термин «лихоимство». Этим термином именовалось получение любого рода посулов (взяток), а также незаконные поборы с населения. Указ от 24 декабря 1714 г. запрещал чиновникам иметь иное вознаграждение за свой труд, кроме жалования. Особо суровое наказание за взяточничество содержалось в Артикуле воинском Петра I от 26 апреля 1715 г. – в виде смертной казни. Следующим важным шагом на пути совершенствования законодательства об ответственности за взяточничество стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года, где в главе «О мздоимстве и лихоимстве» под общим понятием лихоимства объединены: незаконные поборы (под видом государственных податей); вымогательство; взятки. Следует констатировать, что определение этих понятий в законе отсутствовало. Также в Уложении 1845 года впервые введена уголовная ответственность взяткодателей и посредников.

Истоки формирования ответственности за превышение должностных полномочий необходимо относить к Судебникам 1497 г. и 1550 г., принятие

которых связано с усилением власти государя и созданием в XIV-XVI вв. новой системы государственного управления. Являясь своего рода инструкцией для организации судебного процесса, Судебники 1497 г. и 1550 г., вместе с тем, карали лиц, которые осуществляли властные полномочия в области судопроизводства, за частные случаи нарушения этих полномочий. При этом, в противовес Судебнику 1497 г., Судебник 1550 г. включал в себя нормы не только о неосторожном вынесении неправосудного решения, но и об умышленном неправосудии, связанном с взятием посула. Как в Соборном уложении 1649 г., так и в законодательных актах XVIII – начала XIX вв., была установлена ответственность за частные виды превышения власти в отдельных сферах деятельности государственной власти.

Из числа преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления должностное злоупотребление можно отнести к числу самых поздних. Впервые нормы об ответственности за должностные злоупотребления можно встретить в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в статьях 382 и 383 которого установлено наказание за злоупотребление предоставленным правом. В целом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., прямо не указывая признаки злоупотребления должностными полномочиями, в самом общем виде содержало зачатки данного преступления. Следующим правовым актом, предусматривающим ответственность за злоупотребление должностными полномочиями является Уголовное уложение 1903 г. В данном законе под служебными действиями, совершаемыми должностными лицами, злоупотребляющими властью, понимались, например, действия, относящиеся к административной или хозяйственной деятельности учреждения или государственного предприятия и нарушившие правильное отправление функций этого учреждения или предприятия, действия, совершаемые должностным лицом по отношению к другим лицам, при отсутствии требуемых для того законом условий или с нарушением порядка их производства и т.д.

2.2 Уголовная ответственность за коррупционные преступления в период с 1917 по 1996 гг.

Взяточничество.

Несмотря на резкое изменение политической и социальной ситуации в России, появления новой более жесткой системы управления, количество преступлений в сфере взяточничества не стало меньше. Советское государство столкнулось с всплеском взяточничества, казнокрадства и иных имущественных деяний, связанных с использованием должностных преимуществ в государственном и партийном аппарате. В связи с этим в самом начале своего существования Советское государство было вынуждено объявить войну «старым продажным представителям власти», создав в конце 1917 г. Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с саботажем и должностными преступлениями⁶¹.

Здесь следует отметить одну очень важную особенность: уголовная политика Советской России основывалась на идее, что социалистическое государство не имеет условий для развития взяточничества на общественных началах, иными словами в такой среде не может развиваться система подкупа и коррупции. В связи с этим большое внимание в разработке первых законопроектов советской власти было уделено вопросам уголовной ответственности в связи с должностными преступлениями. Однако все те меры, которые были предприняты, не смогли повлиять на ситуацию в стране и снизить уровень взяточничества.

Первым законодательным актом советского государства, непосредственно направленным на борьбу со взяточничеством, был декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 года «О взяточничестве». Его значение в следующем: во-первых, Декрет значительно расширил круг лиц – субъектов получения взятки, определив его лицами, «состоящими на государственной или общественной службе»; во-вторых, установил уголовную ответственность и для лиц, виновных в даче взятки, подстрекателей и пособников; в-третьих, он со-

---

⁶¹ Богданов И.Я. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. М., 2011. С. 67.

держал одну из первых поощрительных норм в советском уголовном праве, а именно – освобождение взятодателей от уголовной ответственности, если они дали взятку до издания декрета, но в течение трех месяцев со дня его издания заявили судебным властям об этом преступлении. Это положение получило дальнейшее развитие в последующем декрете СНК от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством», а также здесь впервые идет речь о посредничестве в получении взятки как самостоятельном составе преступления и одновременно одной из форм взяточничества.

Эти два декрета послужили хорошей базой для подготовки первого советского Уголовного кодекса, введенного в действие 1 июня 1922 г., где выделялась целая глава «Должностные (служебные) преступления». В первую очередь здесь заслуживает внимания определение должностного лица, а также уточнение, что должностными лицами признаются не только постоянные, но и временные работники соответствующих органов. Раскрыто содержание функций, исполнение которых присуще должностным лицам. УК РСФСР 1922 года содержал, наряду с получением взятки, и нормы, предусматривающие уголовную ответственность за дачу взятки, посредничество в получении взятки и укрывательство взяточничества.

Историческое развитие регламентации ответственности за совершение преступлений в сфере взяточничества характеризуется определенной нестабильностью, в частности в первые годы советской власти допускалась возможность избежания уголовной ответственности по данному виду преступлений, в случае если нарушитель признавался в содеянном и шел на контакт со следствием. Однако уже в 1926 г., когда был принят Уголовный кодекс РСФСР, в отечественном уголовном законодательстве закрепилось принципиальное положение, согласно которому виновные в получении взятки ни при каких обстоятельствах не освобождались от уголовной ответственности за это преступление.

Во второй половине XX в. российское уголовное законодательство подверглось заметным изменениям. В 1960 г. был принят новый Уголовный

кодекс РСФСР, внесший определенные изменения в нормы об ответственности за должностные преступления. В частности, при определении понятия должностного лица был сделан акцент не на месте его работы, а на выполняемых функциях (представителя власти, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных). Кроме того, в УК РСФСР 1960 г. была статья, предусматривающая ответственность за провокацию взятки. В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. не было нормы об ответственности за посредничество во взяточничестве. Такая норма появилась лишь в 1962 г., однако в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, в ней отсутствовали нормы об условиях освобождения посредника от уголовной ответственности. Такая норма сохранилась лишь для лица, давшего взятку, «если в отношении него имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки заявило о случившемся» (примечание к ст. 174 УК РСФСР 1960 г.)⁶².

Следует заметить, что объективная сторона получения взятки существенных изменений не претерпела. Однако значительно были увеличены санкции, особенно после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». Так, за получение взятки без отягчающих обстоятельств было предусмотрено лишение свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества, при отягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой после отбывания лишения свободы на срок от двух до пяти лет или без ссылки, а при особо отягчающих обстоятельствах – смертная казнь с конфискацией имущества. Закон не раскрывал, однако, понятия особо отягчающих обстоятельств. В науке уголовного права к их числу относили систематичность, особо ответственное положение взяточполучателя, совершение преступления

---

⁶² Уголовный кодекс РСФСР: 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ. (Утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

организованной группой и т.п.⁶³. Смертная казнь за это деяние была исключена Законом РСФСР от 5 декабря 1991 г.

Формулировка субъективной стороны получения взятки в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. практически не отличалась от ее описания по УК 1926 г. Тем не менее, диспозиция ст. 173 УК РСФСР 1960 г., запрещающая получение взяткополучателем «лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия», указывала на должностное лицо, которое должно было или могло совершить его «с использованием своего служебного положения» (в ст. 117 УК РСФСР 1926 г. – «исключительно вследствие своего служебного положения»). Квалифицирующие признаки данного деяния (по сравнению с УК РСФСР 1926 г.) не претерпели каких-либо существенных изменений, за исключением одного – «особо отягчающих обстоятельств», которое законодатель декриминализировал.

В результате произошедших в начале 90-х годов коренных изменений в социально-экономическом развитии страны многие положения УК РСФСР 1960 г. (в частности нормы об ответственности за взяточничество) стали не соответствовать современному состоянию общества. Решить проблему путем внесения очередных изменений и дополнений в УК РСФСР 1960 г. не представлялось возможным. Таким образом, встал вопрос о настоятельной необходимости разработки и принятия нового уголовного законодательства.

Превышение должностных полномочий.

После октябрьской революции 1917 г. отечественное уголовное законодательство сохраняло преемственность в борьбе с превышением должностных полномочий. При этом, в период некодифицированного законодательства (1917-1921 гг.) понятием «злоупотребление властью» охватывались

---

⁶³ Советское уголовное право. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, М.И. Якубовича. М., 1965. С. 311.

должностные преступления в целом⁶⁴. Под «преступлениями по должности» понималось применение общественного или административного положения, злоупотребляя властью, предоставленной народом. В соответствии с Постановлением Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов», уголовному преследованию подвергались «не только лица, совершающие преступные деяния в момент исполнения ими своих служебных обязанностей, но и вообще совершающие какие-либо преступные деяния с использованием в каком-либо отношении своего положения на советской службе».

С принятием УК РСФСР 1922 г. впервые в отечественном законодательстве было осуществлено разграничение злоупотребления властью (ст. 105) и превышения власти (ст. 106).

Ст. 105 УК РСФСР 1922 г. гласит, что злоупотреблением властью являлись действия должностного лица, «которые оно могло совершить единственно с помощью своего служебного положения и которые, не вызванные мыслями о служебной необходимости, вызвали нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или общественного порядка, или частных интересов отдельных граждан». Примечание к ст. 105 УК РСФСР 1922 г. содержало признаки должностного лица. Должностные лица – это «лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач». Иными словами, лицо считали должностным, если оно имело должность в государственном аппарате или организации, которое, исходя из значения нормы, и имело права, обязанности, полномочия по исполнению задач государства.

Также укажем здесь, что диспозиция ч. 1 ст. 106 УК РСФСР 1922 г. бы-

---

⁶⁴ Антюфеев С.А. Развитие отечественного законодательства об ответственности военнослужащих за превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями и бездействие власти // Право в вооруженных силах. 2012. № 1. С. 112.

ла описательной, единственным критерием криминализации действий должностного лица являлось покидание пределов данных ему законом полномочий. Следовательно, сохранив для обозначения исследуемого состава термин «превышение власти», законодатель отказался от перечисления в норме конкретных форм действий. Санкция ч. 1 ст. 106 УК РСФСР 1922 г. в первоначальной редакции содержала ссылку к санкциям ст. 105. Квалифицирующими признаками были применение насилия, оружия и особо мучительские или оскорбляющие личное достоинство потерпевшего действия. Санкция ч. 2 ст. 106 предусматривала лишение свободы на срок не ниже трех лет. При наличии особо отягчающих обстоятельств, к которым относились расстройство центральных или местных хозяйственных аппаратов производства, распределения или снабжения, или расстройство транспорта, заключение явно невыгодных для государства договоров или сделок, или всякий иной подрыв и расточение государственного достояния в ущерб интересам трудящихся», применялась высшая мера наказания.

Признаки субъекта превышения власти – должностного лица были закреплены в примечании к ст. 105 УК РСФСР. К должностным относились «лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач». Следовательно, лицо признавалось должностным, если занимало должность в государственном аппарате или организации, которые согласно буквальному толкованию нормы и были наделены правами, обязанностями, полномочиями по выполнению государственных задач.

Постановление 2-й сессии ВЦИК X созыва от 10 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» в гл. «Должностные (служебные) преступления» УК РСФСР 1922 г. ввело значительные поправки. Ч. 1 ст. 105 злоупотребление властью определяла как уголовно-

наказуемое деяние, ч. 2 – как дисциплинарный проступок. При этом, понятие злоупотребления властью стало определяющим для превышения власти, что наглядно выражалось в наличии в тексте новой редакции ст. 106 УК РСФСР 1922 г. ссылки на признаки преступления, предусмотренного ст. 105 УК РСФСР 1922 г.. Эти признаки понимались как последствия незаконной деятельности должностного лица, выражающиеся в явном нарушении правильной работы учреждения или предприятия, либо в причинении имущественного ущерба, либо в нарушении общественного порядка, либо в нарушении охраняемых законом прав или интересов отдельных граждан.

А также в юридической литературе высказывалась такая точка зрения, что описание состава превышения власти в УК РСФСР 1922 г. достаточно и не было оснований осложнять его наличием признаков, содержащихся в ст. 105 УК РСФСР 1922 г.⁶⁵

В УК РСФСР 1926 г., несмотря на изменение названия, форма рассматриваемого преступления практически не изменилась. В соответствие с ч. 1 ст. 110 УК РСФСР 1926 г., превышением власти или служебных полномочий являлось «совершение действий, явно покидающих рамки прав и полномочий, данных законом совершившему их, при наличии признаков, которые содержит предыдущая статья»². К злоупотреблению властью или служебным положением (ст. 109 УК РСФСР 1926 г.) относились «такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли,

---

⁶⁵ Артемова Я.В. История развития злоупотребления должностными полномочиями // XIX Державинские чтения. Институт права: материалы Общероссийской научной конференции. Тамбов, 2014. С. 327.

но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия».

Квалифицирующими признаками превышения власти или служебных полномочий были: применение насилия, оружия, особо мучительские или оскорбляющие личное достоинство потерпевших действия (ч. 2 ст. 110).

В ст. 112 одновременно устанавливались уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий с особо отягчающими обстоятельствами в виде «развала руководимого должностным лицом центрального аппарата управления или таких же хозяйственных государственных аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта» (ч. 1) и дисциплинарная ответственность (ч. 2). Понятие должностного лица (примечание 1 к ст. 109) формулировалось схожим с УК РСФСР 1922 г. образом.

Ученые обращали внимание на то, что редакции ст. 109 и 110 УК предполагали в качестве субъектов преступлений лиц, наделенных какими-либо служебными полномочиями или властью. При этом к представителям власти относились лица, которые по своему положению осуществляют функции власти или управления, например, пользуются правом издавать лично или коллегиально постановления, приказы или делать распоряжения, обязательные для всех или определенных групп граждан. Юридическим основанием властных полномочий признавались законы, приказы, циркуляры, инструкции и положения, изданные уполномоченными на то лицами и учреждениями⁶⁶.

Значительное действие в ходе разграничения превышения должностных полномочий и злоупотребления должностными полномочиями было проведено с принятием УК РСФСР 1960 г. В указанном нормативно-правовом акте под превышением власти или служебных полномочий понималось умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, если оно нанесло значительный вред государственным или общественным интере-

---

⁶⁶ Смолицкий Г.Р. Должностные преступления. М., 1947. С. 28.

сам либо охраняемым законом правам и интересам граждан (ч. 1 ст. 171 УК РСФСР 1960 г.).

Нацеленность законодателя на ограничение круга субъектов должностных преступлений вызвала соответствующие изменения понятия должностного лица. В соответствии с примечанием к ст. 170 УК РСФСР 1960 г. должностными назывались лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях, на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию.

Таким образом, признаками выделения должностных лиц из группы служащих явились: характер выполняемых функций и обязанностей, временные рамки и место их осуществления. Тем не менее, по буквальному толкованию текста примечания к ст. 170 УК РСФСР 1960 г. по специальному полномочию были вправе осуществляться только организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности, а понятие должностного лица формально, как и в УК РФ 1996 г., распространялось на одну главу УК РСФСР 1960 г.

Злоупотребление должностными полномочиями.

Октябрьская революция 1917 г. привела не только к слому государственного строя России, но и к отмене всего дореволюционного законодательства.

Процесс криминализации злоупотребления должностными полномочиями в советский период начался с принятием 19 декабря 1917 г. Инструкции Народного комиссариата юстиции «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний». Суть злоупотребления властью заключалась в использовании лицом своего общественного или административного положе-

ния, предоставленного «революционным народом». Объектом злоупотребления выступал «правильный ход работ в учреждении или предприятии».

Опубликование осенью 1918 года Постановления Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов»⁶⁷ значительно расширило круг субъектов злоупотребления властью. Согласно Постановлению, суду трибунала подлежали не только лица, совершающие преступное деяние в момент исполнения ими своих служебных обязанностей, но и вообще совершающие какие-либо преступные деяния с использованием в каком-либо отношении своего положения по советской службе, причем вместе с ними подлежали суду трибунала все лица, «входящие с ними при совершении преступного деяния в сношения или участвовавшие в нем».

Существенную роль в развитии учения о должностных злоупотреблениях сыграл Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.⁶⁸ В нем выделялась целая глава «Должностные (служебные) преступления», содержащая в себе норму об ответственности за злоупотребление властью, раскрывшую понятие должностного лица. Так, в примечании к ст. 105 УК 1922 г. давалось следующее определение должностного лица: «под должностными лицами понимаются лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач».

Особенностью Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. являлось то, что в нем впервые были сформулированы признаки злоупотребления властью. Прибегая к детальному описанию состава злоупотребления властью, законодатель, тем самым, пытался обратить внимание судов на характер и степень общественной опасности должностных злоупотреблений, а также на необходимость усиления борьбы с данными преступлениями. Согласно ст. 105 УК

---

⁶⁷ Собрание уложений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 294.

⁶⁸ Собрание уложений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

РСФСР 1922 г., под злоупотреблением властью понималось «совершение должностным лицом действий, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не будучи вызваны соображениями служебной необходимости, повлекли за собой нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или общественного порядка, или частных интересов отдельных граждан». Таким образом, состав злоупотребления властью по своей конструкции являлся материальным, а это значит, что преступление считалось оконченным только с момента наступления последствий в виде нарушения правильной работы учреждения или предприятия, или общественного порядка, или частных интересов отдельных граждан. При этом тяжким признавалось злоупотребление властью, совершенное должностным лицом «в корыстных или иных личных видах» или повлекшее за собой особо тяжкие последствия.

Особое внимание необходимо обратить на тот факт, что квалифицированный вид злоупотребления властью раскрывался не в ст. 105, а в ст. 110 УК РСФСР 1922 г., согласно которой, совершение должностным лицом действий, в результате которых последовало расстройство центральных или местных хозяйственных аппаратов производства, распределения или снабжения, заключение явно невыгодных для государства договоров и сделок, или всякий иной подрыв и расточение государственного достояния, являлось отягчающим обстоятельством, усиливающим наказание.

22 ноября 1926 г. Постановлением ВЦИК в действие был введен Уголовный кодекс РСФСР. Глава III «Должностные (служебные) преступления» этого Кодекса в целом практически не отличалась от главы II УК РСФСР 1922 г. Как справедливо отметил Б.В. Волженкин, «внесенные новым УК изменения в описание данных преступлений имели преимущественно редакционно уточняющий характер»⁶⁹. К таким изменениям, в частности, относилась замена состава злоупотребления властью составом злоупотребления властью или служебным положением (ст. 109). Принципиальных новшеств в составе

---

⁶⁹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 36.

злоупотребления властью или служебным положением не было.

В целом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что первые послереволюционные десятилетия были весьма насыщены процессами формирования и совершенствования уголовного законодательства о должностных преступлениях. Следует признать, именно Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов в свое время сыграли большую роль не только в развитии советского права, но и в деле криминализации действий должностных лиц, злоупотребляющих своим служебным положением. Однако нельзя не отметить, что первые Уголовные кодексы лишь подготовили почву для новых шагов в определении понятия должностного лица, а также в деле построения нормы об ответственности за должностное злоупотребление.

Принятый 27 октября 1960 г. Уголовный кодекс РСФСР⁷⁰ вступил в действие 1 января 1961 г. Глава 7 «Должностные преступления» УК РСФСР 1960 г. включала в себя 6 статей, содержащих описание признаков «общих» составов должностных преступлений, таких как: злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171), халатность (ст. 172), получение взятки (ст. 173), дача взятки (ст. 174), должностной подлог (ст. 175).

В первую очередь заслуживает внимания тот факт, что в примечании к ст. 170 УК 1960 г., предусматривавшей ответственность за злоупотребление властью или служебным положением, давалось новое определение должностного лица: «Под должностными лицами в статьях настоящей главы понимаются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителя власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях или на предприятиях по специальному полномочию». При этом, следует отметить, что при опре-

---

⁷⁰ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

делении признаков должностного лица, в отличие от ранее действующего уголовного законодательства, за основу бралась специфика не места работы, а функции, осуществляемые должностным лицом (представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные). В частности, Б.В. Здравомыслов, развивая сформулированные в УК 1960 г. положения, называл «общим основанием для признания тех или иных лиц должностными ... характер выполняемых ими функций»⁷¹.

Таким образом, круг субъектов должностного злоупотребления значительно сузился.

Существенные изменения претерпела и сама формулировка злоупотребления властью или служебным положением. Так, в соответствии со ст. 170 УК РСФСР 1960 г., под злоупотреблением властью или служебным положением понималось «умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан». Если ранее действовавшие Уголовные кодексы, определяя должностное злоупотребление, говорили о совершении действий, единственно благодаря служебному положению виновному, то УК РСФСР 1960 г. применил понятие «использование своего служебного положения», что вызвало массу споров в теории и на практике.

Однако, несмотря на все споры по данному вопросу в науке уголовного права, в постановлениях Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и других союзных республик по конкретным делам и в определениях Судебных коллегий Верховных Судов неоднократно подчеркивалось, что должностное лицо может нести ответственность лишь в пределах имеющихся у него прав и обязанностей, в связи с чем состав преступления отсутствует, когда лицу вменяются действия вне его служебной компетенции, либо последствия, наступающие вне связи с действием лица в пределах служебных полномо-

---

⁷¹ Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975. С. 34.

чий⁷².

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.⁷³ содержал в себе более детальное описание признаков состава злоупотребления властью или служебным положением, нежели ранее действовавшие Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов.

В заключение настоящего параграфа сделаем следующие выводы.

В отличие от отечественного уголовного законодательства об ответственности за взяточничество, действовавшего до 1917 года, советский законодатель расширил перечень субъектов, которые привлекались к уголовной ответственности за взяточничество. По Декрету СНК РСФСР от 8 мая 1918 года «О взяточничестве» первоначально такими лицами были лица, состоящие на государственной или общественной службе. Если в царском законодательстве нормы об уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве были не развиты, то советский законодатель уделял данному преступлению достаточно внимания. Так, в Декрете СНК от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством», идет речь о посредничестве в получении взятки как самостоятельном составе преступления и одновременно одной из форм взяточничества. Историческое развитие регламентации ответственности за совершение преступлений в сфере взяточничества характеризуется определенной нестабильностью, в частности в первые годы советской власти допускалась возможность избежания уголовной ответственности по данному виду преступлений, в случае если нарушитель признавался в содеянном и шел на контакт со следствием. Однако уже в 1926 г., когда был принят Уголовный кодекс РСФСР, в отечественном уголовном законодательстве закрепилось принципиальное положение, согласно которому виновные в получении взятки ни при каких обстоятельствах не освобождались от уголовной ответственности за это преступление.

После октябрьской революции 1917 г. отечественное уголовное законо-

---

⁷² Сулейманов Т.М. История ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по российскому уголовному праву (XVII - XX вв.) // История государства и права. 2013. № 13. С. 55.

⁷³ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

дательство сохраняло преемственность в борьбе с превышением должностных полномочий. Норма об ответственности за превышение должностных полномочий с момента принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. эволюционировала от перечисления конкретных форм превышения властных полномочий к общему их описанию признаков рассматриваемого преступления в УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. В отличие от ранее действующего законодательства, где отсутствовало четкое разграничение между превышением должностных полномочий и разграничением должностных полномочий с принятием УК РСФСР 1922 г. впервые в отечественном законодательстве было осуществлено уголовно-правовое разграничение злоупотребления властью (ст. 105) и превышения власти (ст. 106). Также советский законодатель более детально подошел к вопросу регламентации признаков должностного лица, сосредоточив свое внимание на совершенствовании указанной дефиниции.

Существенную роль в развитии учения о должностных злоупотреблениях сыграл Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. В целом первый советский Уголовный кодекс, в отличие от дореволюционного законодательства, установил уголовную ответственность за злоупотребление властью и сформулировал признаки этого деяния. В УК РСФСР 1926 г. принципиальных новшеств в составе злоупотребления властью или служебным положением не было. Существенные изменения претерпела формулировка злоупотребления властью или служебным положением в УК РСФСР 1960 г. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. содержал в себе более детальное описание признаков состава злоупотребления властью или служебным положением, нежели ранее действовавшие Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов.

Обобщая изложенное в рамках настоящей главы магистерской диссертации, следует отметить следующее. Становление норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления в отечественном уголовном законодательстве обусловлено традициями общества в период становления государственности на Руси в IX-X вв. Издавна основными коррупционными

преступлениями на Руси являлись: взяточничество, превышение и злоупотребление полномочиями. Четкое закрепление на законодательном уровне уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений происходит в XV-XVI веках и связано с изданием Судебников 1497 и 1550 годов. Дальнейшее развитие норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления обусловлено принятием Соборного уложения 1649 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которыми были уточнены отдельные признаки преступлений коррупционной направленности, а также закреплены новые коррупционные преступления, например посредничество во взяточничестве.

С приходом к правлению советской власти произошел отказ от уголовного законодательства царской России, однако, с 1917 года законодатель уделял достаточное внимание борьбе с коррупционными преступлениями. В первых же декретах советской власти был расширен перечень лиц, которые могли быть привлечены к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений. Основными уголовными законами советского периода были Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов, которые в отличие от ранее действовавшего законодательства отошли от перечисления форм коррупционной деятельности и закрепили конкретные признаки коррупционных преступлений. Более того, именно в советский период происходит четкое разграничение злоупотребления полномочиями и превышения должностных полномочий.

3 УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1 Особенности правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления

В связи с ограниченностью объема настоящей магистерской диссертации невозможно глубоко исследовать все составы коррупционных преступлений, так как еще в рамках первой главы исследования мы установили наличие достаточно большого видов преступлений коррупционной направленности. С учетом данного обстоятельства мы полагаем необходимым остановиться на отдельных вопросах уголовно-правовой характеристики таких коррупционных преступлений как дача взятки, превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями и злоупотребление полномочиями. Также в рамках настоящего параграфа нами будут рассмотрены отдельные проблемы квалификации взяточничества.

В связи с вопросами, возникающими у судов по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь ст. 126 Конституции РФ, принял Постановление от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», заменившее устаревшее Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге».

В отличие от предыдущего в Постановлении от 16 октября 2009 г. дается толкование признакам только двух составов преступления – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), хотя на практике не меньше вопросов

возникает при квалификации халатности, служебного подлога. Подчеркивается, что при рассмотрении уголовных дел о данных преступлениях необходимо уделять пристальное внимание установлению признаков субъекта преступления – должностного лица (примечание к ст. 285 УК РФ).

Новым в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» является положение, согласно которому к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих за собой определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии). Между тем в судебной практике немало примеров, когда должностными лицами признаются преподаватели вузов, единолично принимающие экзамены и зачеты, вне состава экзаменационной комиссии. Однако они признаются субъектами взяточничества, служебного подлога, хотя данная позиция разделяется не всеми авторами⁷⁴.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁷⁵ также дается разъяснение должностным функциям, но о юридически значимых действиях речи не идет. Следует ли из этого, что применительно к разным составам преступления понятие должностного лица имеет разное содержание? Ответ на данный вопрос, по нашему мнению, должен быть отрицательным, т.к. согласно примечанию к ст. 285 УК РФ понятие должностного лица является единым для всех статей гл. 30 УК РФ.

---

⁷⁴ Плохов С. Преподаватель как субъект должностных преступлений // Законность. 2012. № 4. С. 62.

⁷⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 154. С. 14.

Как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за расходованием).

Недостаток толкования – отсутствие общих, свойственных всем, относящимся к данной категории лицам, «типовых» функций. Это обстоятельство было отмечено еще Б.В. Здравомысловым по отношению к не действующему в настоящее время Постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, о превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге»⁷⁶. Дается лишь примерный перечень, причем неисчерпывающий, наиболее часто встречающихся на практике организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей. Но четкого ответа на вопрос, в чем основное содержание указанных в законе функций, нет. Вместе с тем проблемы при квалификации преступлений, совершаемых должностными лицами, возникают в случае толкования функций организационно-распорядительного или административно-хозяйственного характера.

Исходя из положений действующих постановлений Пленума ВС РФ организационно-распорядительные функции сводятся к осуществлению лицом таких обязанностей, которые предоставляют возможность влиять на правовой статус подчиненных, а административно-хозяйственные функции – обязанностей, которые позволяют управлять и распоряжаться материальной базой государственного органа, органа местного самоуправления, государ-

---

⁷⁶ Здравомыслов Б.В. О постановлении Пленума Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. 1990. № 11. С. 29.

ственного или муниципального учреждения, воинских подразделений. По- средством выполнения должностным лицом данных обязанностей так или иначе возникают, изменяются или прекращаются правоотношения. Значит, должностные лица, по сути, совершают юридически значимые действия (то есть действия, связанные с установлением, изменением или прекращением прав и обязанностей физических и юридических лиц) в сфере управления людьми или имуществом.

Именно критерий совершения лицом юридически значимых действий, на наш взгляд, помог бы разграничить исполнение профессиональных или технических обязанностей от организационно-распорядительных и административно-хозяйственных, при этом в судебной практике продолжает существовать расширительное толкование, в частности, профессиональных обязанностей медицинских работников, работников вузов и других учебных заведений.

Дополнительно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» подчеркивается, что следует ограничивать преступные действия должностных лиц от деяний лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, ответственность которых за злоупотребление своими полномочиями установлена ст. 201 УК РФ. В данном случае также отсутствуют какие-то новые критерии разграничения субъектов названных преступлений, повторяется определение из примечания к ст. 201 УК РФ и называются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных некоммерческих организациях, – директор, генеральный директор, член правления акционерного общества, председатель производственного или потребительского кооператива, руководитель общественного объединения, религиозной организации. В отличие от злоупотребления должностными полномочиями уголовное преследование за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) осуществляется в особом порядке, что и отмечается в Постанов-

лении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

Согласно примечаниям 2, 3 к ст. 201 УК РФ, если деянием причинен вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. Когда вред причиняется интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование осуществляется на общих основаниях. Таким образом, законодатель создал особый механизм уголовного преследования по делам об указанных преступлениях, значительно отличающийся от того механизма, который применяется по большинству остальных категорий уголовных дел⁷⁷. В связи с этим хотелось бы отметить роль данного механизма в борьбе с коррупцией.

Уголовное преследование определяется в УПК РФ как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5). Причем содержание ст. 23 УПК РФ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации» существенно отличается от содержания процитированных выше примечаний УК РФ. Так, ст. 23 УПК РФ распространяет механизм уголовного преследования уже не только на коммерческие (о чем говорится в примечании к ст. 201 УК РФ), но и на иные (некоммерческие) организации. К этому добавляется то, что по УПК РФ требуется заявление или согласие не самой организации, а ее руководителя. Есть основания полагать, что в случае совершения преступления руководителем коммерческой или иной организации органы уголовного преследования не получают согласия на возбуждение уголовного дела⁷⁸.

В такой ситуации положения УК РФ и УПК РФ являются несогласо-

---

⁷⁷ Головки Л.В. Особенности уголовного преследования по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих организациях // Законодательство. 1999. № 4. С. 28.

⁷⁸ Гордейчик С. Злоупотребление полномочиями: вопросы и ответы // Российская юстиция. 2004. № 5. С. 22.

ванными. Мнения специалистов разделились и по поводу того, относятся ли дела о преступлениях, предусмотренных гл. 23 УК РФ, к делам публичного обвинения⁷⁹, частно-публичного⁸⁰ или частного обвинения⁸¹, и как поступать, если согласие на возбуждение уголовного дела в надлежащем порядке было получено, а затем пострадавшая организация изменила свою позицию. Очевидно и то, что данная процессуальная норма, изложенная в УК РФ среди прочих материальных, противоречит международным документам, посвященным борьбе с коррупцией. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенция ООН против коррупции одинаково подходят к коррупции публичных служащих и подкупу в частном секторе и не устанавливают никаких особых условий процессуального характера. Содержание примечания к ст. 201 УК РФ создает возможность коррупционерам избежать уголовной ответственности в сфере деятельности коммерческих или иных некоммерческих организаций.

Между тем причинение вреда в сфере деятельности хозяйствующих субъектов не может быть локальным. Как отмечает профессор Н.Ф. Кузнецова, «в действительности, когда частный собственник или его управляющий причиняет ущерб своему юридическому лицу, то ущерб причиняется не его собственности и не совместной собственности акционеров. Ущерб терпит новый вид собственности – собственность юридического лица либо предприятия без создания юридического лица. Поэтому во всех случаях преступление против них нарушает интересы как самих акционеров, так и других граждан, а тем самым интересы общества и государства»⁸².

Учитывая приведенные доводы, а именно рассогласованность норм УК и УПК РФ и их недоработанность, а также противоречие механизма уголов-

---

⁷⁹ Шнитенков А.В. Комментарий к главе 23 Уголовного кодекса РФ «Преступления против интересов служб в коммерческих и иных организациях» (постатейный). М., 2007. С. 20.

⁸⁰ Ленский А.В., Якимович Ю.К. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России. М., 2008. С. 12.

⁸¹ Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.В. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 164.

⁸² Кузнецова Н.Ф. Борьба с коррупцией в странах СНГ // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: сборник материалов международной научно-практической конференции. М., 2001. С. 247.

ного преследования коррупции в негосударственном секторе международным нормам, предлагаем устранить из УК РФ примечания 2, 3 к ст. 201 УК РФ существующего содержания как не способствующие противодействию коррупции, а наоборот, создающие для нее почву. В этом случае будут учтены интересы работников данных организаций и защищены интересы других субъектов экономической и иной деятельности, а также общества и государства в целом, так как управленцы в коммерческих и иных организациях перестанут быть неприкасаемым сообществом.

В Постановлении от 16 октября 2009 г. анализируются признаки объективной стороны рассматриваемых преступлений. Отмечается, что злоупотребление должностными полномочиями может быть совершено как в виде действий, так и бездействия, то есть умышленного неисполнения должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречило тем целям и задачам, для выполнения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло за собой существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

Анализ признаков объективной стороны превышения должностных полномочий сводится к перечислению четырех вариантов совершения данного преступления, устоявшихся в теории уголовного права и давно приводимых в научной литературе⁸³ и Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 30 марта 1990 г. Это совершение должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые: 1) относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу); 2) могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применении оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности

---

⁸³ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 155.

для жизни других лиц); 3) совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом; 4) никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Большой интерес вызывает комментарий последствий, являющихся обязательным признаком как злоупотребления должностными полномочиями, так и превышения должностных полномочий, таких как существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых интересов общества или государства. Ими признаются нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан). В данном случае уточняются виды прав граждан, которые могут быть нарушены, однако критерием при оценке существенности вреда остается, как и в более раннем постановлении, тот же перечень обстоятельств: степень отрицательного влияния противоправного поведения на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т. п.

В итоге и в законе, и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» указаны лишь примерные ориентиры определения последствий, которые и отграничивают данный вид преступлений от правонарушений, а основным критерием определения «существенности» вреда выступает правосознание правоприменителя. На наш взгляд, это обстоятельство является недопустимым в связи с возможностью произвола (в том числе коррупционного) власти правоприменителя.

Также необходимо отметить, что некоторые исследователи полагают,

что должностное злоупотребление включает служебный подлог, а потому при квалификации, в частности, укрытия преступлений от учета и регистрации содеянное должно охватываться только ст. 285 УК РФ⁸⁴. Этот вывод сделан на основе тех соображений, что внесение при этом в документ заведомо ложных сведений означает использование полномочий вопреки интересам службы.

Вместе с тем изучение практики по делам названной категории показало отсутствие единообразия в оценке фальсификации заявлений и объяснений пострадавших, других лиц, иных материалов доследственной проверки. Когда по делу наряду с отказом от приема, учета и регистрации сообщений о преступлении или заведомо незаконным отказом в возбуждении уголовного дела установлена такого рода фальсификация, суды во многих случаях вслед за органами следствия и государственным обвинением квалифицируют содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 285 и 292 УК РФ. При этом предметом служебного подлога порой признаются и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, в которых сделана ссылка на сфальсифицированные объяснения потерпевшего и иных лиц, содержащие, следовательно, заведомо ложные сведения. Такой подход нашел поддержку в практике Верховного Суда РФ⁸⁵.

Что касается злоупотребления полномочиями, можно отметить следующее: согласно ч. 1 ст. 201 УК РФ уголовно наказуемо совершение следующего деяния: «Использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам обще-

---

⁸⁴ Цит. по: Яни П. Квалифицированный состав служебного подлога: проблемы вменения // Законность. 2010. № 12. С. 15.

⁸⁵ Определение Верховного Суда РФ от 30.11.2006 г. № 47-оО6-96 // Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства или государства»⁸⁶.

Объективная сторона злоупотребления полномочиями включает в себя:

- 1) деяние (использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации);
- 2) последствие (причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства);
- 3) причинную связь между совершенным злоупотреблением полномочиями и наступившими последствиями.

Рассматриваемое преступное деяние совершается во вред организации, а вред причиняется другим лицам. Представляется, такая связь в принципе не может рассматриваться в качестве причинной, речь идет не о причинно-следственной связи, а о случайных последствиях злоупотребления. Причиной вреда в подобных ситуациях может быть не злоупотребление как таковое, а иное противоправное деяние, напр., нарушение налогового законодательства, нарушение каких-либо специальных правил, за которое может быть предусмотрена уголовная, административная или гражданско-правовая ответственность. Соответственно, ответственность должна наступать по соответствующим нормам, эту ответственность предусматривающим, а не по ст. 201 УК РФ.

Деяние, совершенное вопреки интересам организации, может причинить вред интересам этой организации и какие-то другие случайные последствия, которые в качестве злоупотребления полномочиями в организации рассматриваться не могут.

В научной литературе, за редкими исключениями, также преобладает чрезмерно формальное, сложное и оторванное от потребностей юридической практики понимание «законных интересов организации».

---

⁸⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 19. Ст. 1139; 2017. № 15 (Часть I). Ст. 2135.

Так, в целом можно согласиться с выводом А.Р. Ахметшиной, которая вслед за Н.А. Лопашенко отмечает, что использование полномочий вопреки законным интересам организации охватывает уклонение или воспрепятствование реализации обусловленных законом и (или) основанным на нем уставом или положением о ней целей и задач деятельности соответствующей организации⁸⁷. Однако вряд ли можно рассматривать в качестве злоупотребления действия коммерческой организации, имеющей целью извлечение прибыли, совершенные в общественных интересах и интересах работников, если при этом сохраняется разумный баланс интересов. Кроме того, злоупотребление может выразиться не только в уклонении и воспрепятствовании, но и, напр., в попущении либо, чаще всего, в прямом противодействии реализации вверенного интереса. И некорректно, рассуждая об интересах организации, полностью игнорировать ее участников.

Сложно согласиться с позицией Е.А. Подковырова, который полагает, что даже в том случае, когда злоупотребление приносит пользу организации, но сопряжено с нарушением нормативных актов, оно считается совершенным вопреки законным интересам этой организации⁸⁸. В данной ситуации имеет место необоснованное смещение частных и общественных интересов, которые взаимосвязаны, но не тождественны.

На наш взгляд, под объектом злоупотребления полномочиями понимается общественный интерес относительно эффективного и добросовестного управления организациями (в интересах этих организаций) как элемент более широко понимаемого интереса относительно эффективного функционирования экономики. Тем не менее, интересы организации тесно связаны с этим объектом, т.к. эффективным и добросовестным может быть управление при условии, если лицо в случае конфликта интересов строго следует интересам именно той организации, в которой он осуществляет управленческие функ-

---

⁸⁷ Ахметшина А.Р. Ошибки и правила квалификации деяний, подпадающих под состав коммерческого подкупа // Закон и право. 2014. № 7. С. 87-88.

⁸⁸ Подковыров Е.А. Частный нотариус как специальный субъект злоупотребления полномочиями // XIX Державинские чтения. Институт права: материалы Общероссийской научной конференции. Тамбов, 2014. С. 402.

ции, в тех рамках, которые это дозволено законом и моралью.

Злоупотребление полномочиями может выразиться как в действии, так и в бездействии⁸⁹.

Совершая это деяние, лицо может действовать формально в пределах своих полномочий, не нарушая каких-либо специальных правил, установленных государствами или локальными актами организации. Достаточно факта конфликта интересов, совершения из личной заинтересованности действия во вред организации. Н.А. Лопашенко правильно отмечает, что использование служебного полномочия, которым лицо было наделено в результате осуществления им управленческих функций в организации, подразумевает совершение конкретных действий в рамках своей компетенции, при этом лицо своими действиями непосредственно идет в разрез с интересами организации, нарушая положения учредительных документов или заключенного договора⁹⁰.

Иногда вполне корректное и точное толкование закона может привести к ошибкам при его превратной трактовке. Так, Н.А. Лопашенко правильно разъясняет, что использование служебного полномочия, которым лицо было наделено в результате осуществления им управленческих функций в организации, подразумевает совершение конкретных действий в рамках своей компетенции, при этом лицо своими действиями непосредственно идет в разрез с интересами организации, нарушая положения учредительных документов или заключенного договора⁹¹. Но из этого можно сделать вывод, что если лицо вышло за рамки своих полномочий, содеянное в качестве злоупотребления полномочием рассматривать нельзя. Подобного рода позицию можно довести до абсурда. Поскольку никто не уполномочен нарушать уголовный закон, все полномочия пресекаются уголовно-правовым запретом, злоупотреб-

---

⁸⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. М., 2014. С. 476; Федоров В.В. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.

⁹⁰ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 389.

⁹¹ Там же. С. 389.

ление полномочием невозможно в принципе без его превышения. Поскольку превышение полномочий в качестве злоупотребления полномочием рассматривать нельзя, ст. 201 УК РФ не может быть применена ни при каких обстоятельствах.

Представляется, превышение полномочия, если оно совершено во вред вверенному интересу из личной заинтересованности – это всего лишь более опасный вид злоупотребления полномочием. В этом смысле можно ставить вопрос о понимании превышения полномочий в качестве квалифицирующего признака злоупотребления полномочиями. Это, однако, представляется нецелесообразным, т.к. грань между злоупотреблением и превышением зыбкая, это оценочный признак «явно», указанный в ст. 286 УК РФ. Практически для разграничения ст. 285 и 286 УК РФ, обильно снабженных оценочными признаками, имеет большое значение факт личной заинтересованности. Личная заинтересованность позволяет вменять ст. 285 УК РФ, если вред признается «существенным». Если заинтересованности нет (это хорошо), но есть явное превышение (это плохо) и существенный вред – имеется основание для применения ст. 286 УК РФ.

В качестве злоупотребления полномочием нельзя рассматривать превышение полномочия, когда оно совершено в интересах организации из чрезмерного (а может быть и разумного и заслуживающего одобрения) рвения, даже если оно причинило существенный вред, напр., поставщикам или конкурентам. Поэтому, определив чрезмерно широко последствия в ст. 201 УК РФ, законодатель вынужден был отказаться от криминализации по примеру должностных преступлений превышения полномочий.

Согласно диспозиции ст. 201 УК РФ для привлечения лица к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями необходимо последствие в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Соответственно, и в доктрине уголовного права существует мнение, со-

гласно которому характер существенного вреда может быть как материальным, так и иным, в частности, в виде подрыва деловой репутации организации, создания помех и сбоев при осуществлении деятельности этой организации, сокрытия крупных хищений, других тяжких преступлений и т.п.⁹²

«Существенность» вреда – признак оценочный. Существует точка зрения, согласно которой существенным вредом можно считать, например, появление угрозы неплатежеспособности или нерентабельности юридического лица⁹³. Б.В. Волженкин при определении «существенного» вреда предлагал принимать во внимание степень отрицательного воздействия на нормальную работу организации, характер, размер и тяжесть причиненного ей или другим организациям имущественного ущерба, а также количество потерпевших граждан и тяжесть причиненного им вреда⁹⁴. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁹⁵ разъясняет, что основным критерием определения существенности вреда является степень отрицательного воздействия на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

Определение размера вреда оценочным признаком в практике влечет проблемы с квалификацией покушений на злоупотребление полномочиями.

Представляется, что ни материальный состав преступления, ни определение преступных последствий оценочным признаком, не могут исключать ответственности за покушение на преступление. Более того, есть противоположная точка зрения (также ошибочная), что невозможно покушение на преступление с формальным составом.

---

⁹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2013. С. 448.

⁹³ Гордейчик С. Злоупотребление полномочиями: вопросы и ответы // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 30.

⁹⁴ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2015. С. 298.

⁹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

Субъективная сторона злоупотребления полномочиями характеризуется лишь умышленной виной. Данное преступление совершается субъектом с осознанием того, что он использует свои полномочия вопреки интересам службы.

В юридической литературе имеется несколько точек зрения относительно видов умысла на совершение данного преступления. Так, одни авторы полагают, что указание законодателя в статье Особенной части на мотив и цель преступного деяния означает, что это преступление может быть совершено только с прямым умыслом⁹⁶. Тем самым указание на цели в качестве конструктивного признака в составе преступления – злоупотребления в коммерческих и иных организациях – свидетельствует о прямом умысле лица, совершающего данный вид преступления.

Мы считаем справедливой позицию авторов, указывающих на то, что именно наличие специальной цели, отличной от наступивших негативных последствий, обуславливает возможность совершения исследуемого преступления только с прямым умыслом.

Обязательным субъективным признаком преступления является указанная в законе цель извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц (родственников, близких, деловых партнеров и т.п.) либо нанесения вреда другим лицам, причем выгода и преимущества могут иметь имущественную форму и стоимость. В частности, к таковым относят выгоду от временного заимствования чужого имущества; выгоду от нецелевого использования законно полученного имущества другого лица; выгоду от неправомерно полученного имущества, если организация имеет впоследствии не подтвердившиеся притязания на имущество; выгоду от незаконного удержания; выгоду от получения премий и других вознаграждений⁹⁷. Выгоды могут иметь и неимущественную форму (перевес голосов на общем собрании или в совете директоров, отсутствие важной информации у лица с противоположными инте-

---

⁹⁶ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2011. С. 166; Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. В 5 т. Т. 5. С. 345.

⁹⁷ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 642.

ресами), связанную или не связанную с определенным имущественным интересом.

Извлечение выгод связано со стремлением к незаконному получению каких-либо материальных благ или созданию благоприятных условий их получения.

Преимуществом является превосходство, наличие дополнительных возможностей по сравнению с другим субъектом (субъектами) по реализации желаемых действий. Преимущество может быть связано с финансовым состоянием организации, ее авторитетом, наличием контактов с властью и другими обстоятельствами. Так, оказание услуги чиновнику с использованием ресурсов организации может привести к тому, что на конкурсе организация будет иметь преимущество перед другими участниками.

При квалификации преступления безразлично, для кого виновный добивается льгот и преимуществ – для себя или других лиц (физических или юридических). Однако необходимо отметить, что у законодателя отсутствует необходимость указывать на извлечение выгоды в составе последствий злоупотребления полномочиями⁹⁸. Таким образом, желаемый вред не всегда связан с целью причинения вреда.

Нанесение вреда другим лицам в качестве цели рассматриваемого преступления может предполагать причинение имущественного, физического, морального или организационного вреда. При этом не имеет значения степень тяжести вреда, предполагаемая виновным, и это важно учитывать при квалификации данного преступления по ч. 1 или ч. 2 ст. 201 УК РФ⁹⁹.

Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, за злоупотребление полномочиями несет уголовную ответственность по ст. 201 УК РФ. В соответствии с примечанием 1 к указанной статье таковым признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального

---

⁹⁸ Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 2016. С. 36.

⁹⁹ Федоров В.В. Указ. соч. С. 148.

исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Также необходимо рассмотреть такие составы преступления как получение и дача взятки, так как проблема взяточничества как основного ядра коррупции в настоящее время стоит достаточно остро.

На практике могут возникать различные проблемы, связанные с квалификацией взяточничества, поэтому анализ и поиск возможных решений данных проблем позволит сформулировать рекомендации, которые могут быть использованы в практике при применении норм об ответственности за взяточничество.

Во-первых, долгое время противоречивой являлась судебная практика относительно квалификации как оконченного или неоконченного получения взятки, когда передача имущества взяткополучателю осуществляется под контролем правоохранительных органов (в рамках оперативно-розыскного или следственного действия). Так, в определении Военной коллегии Верховного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 6-23/05 по уголовному делу в отношении П. указано, что поскольку передача денег военному комиссару за выдачу справки о наличии у лица права на отсрочку от призыва на военную службу осуществлялась под контролем правоохранительных органов, содеянное правильно квалифицировано судом как покушение на получение взятки¹⁰⁰. Аналогичным образом квалифицировано деяние Т., которому деньги также передавались под контролем оперативных сотрудников, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 58-о07-38¹⁰¹. По другому делу приговором Тюменского областного суда от 22 сентября 2005 г. Н. был осужден за получение взятки от Б. по ч. 1 ст. 290 УК РФ. Виновность Н. в получении у нее взятки подтвер-

---

¹⁰⁰ Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 09 июня 2005 г. № 6-23/05 // Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 58-о07-38 // Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ждена материалами следственного эксперимента, в ходе которого Б. передала Н. помеченные деньги, записав разговор с ним, после чего тот был задержан, и у него были обнаружены эти деньги. Таким образом, деньги передавались под контролем правоохранительных органов при отсутствии у Б. умысла на реальную дачу взятки. Тем не менее, квалификация данного деяния как оконченного получения взятки была оставлена без изменения в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2005 г. по делу № 89-о05-51¹⁰². Как оконченное получение взятки квалифицировано и деяние Г., также получавшего взятку под контролем органа внутренних дел (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 августа 2007 г. № 32-о07-25)¹⁰³.

Следует отметить, что по данному вопросу существуют разъяснения, изложенные в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», согласно которым указанные выше действия должны квалифицироваться как оконченное преступление.

Мы не согласны с позицией Верховного суда РФ по данному вопросу, так как сам смысл корреспондирующих друг с другом составов получения и дачи взятки предполагают, что окончание преступления одним участником преступной сделки (взятки) немислимо без корреспондирующего ему окончания преступления другим участником. Подробное обоснование такого подхода дано А.С. Гореликом (пусть оно и касается случаев провокации взятки, а не передачи ее в рамках законного действия правоохранительных органов). По его мнению, «если лицо согласилось принять предмет взятки (подкупа), передаваемый с провокационной целью, то в его поступке нет всех признаков

---

¹⁰² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 дек. 2005 г. по делу № 89-о05-51// Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹⁰³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 авг. 2007 г. № 32-о07-25// Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

получения взятки (подкупа), так как она передавалась не с целью добиться совершения действий в пользу взяткодателя. Со стороны получателя имеется фактическая ошибка, поэтому он подлежит ответственности за покушение на получение взятки, субъективная сторона дачи взятки включает осознание того, что передается именно взятка, а не что-либо другое (например, вознаграждение за произведенную работу, штраф за совершенное правонарушение и т.п.). И взяткополучатель осознает, что взяткодатель осведомлен о том, что он именно дает взятку. Следовательно, если тот, кто вручает вознаграждение, не считает это взяткой, то он и не дает взятки, значит, тот, кто принимает вознаграждение, ее не получает»¹⁰⁴. Аналогичную позицию разделяют и другие авторы¹⁰⁵.

Излагавшиеся выше суждения относительно того, из чего складывается объективная сторона составов получения и дачи взятки также позволяют утверждать, что их частью является и поведение другой стороны преступной сделки (принятие взятки должностным лицом или ее предоставление взяткодателем в свободное распоряжение получателя). Такое поведение представляет собой не что иное, как логический результат преступного деяния, который от него не отделим. Именно на достижение этого результата направлен умысел виновного. Также вряд ли есть сомнения, что результативная деятельность (удавшееся получение взятки) представляет большую общественную опасность по сравнению с неудавшейся (а трудности с разоблачением такой деятельности только лишний раз подчеркивают эту более высокую степень опасности). Именно результативная деятельность должна признаваться оконченным преступлением, тогда как неудавшуюся (в т.ч. получение должностным лицом ценностей под контролем правоохранительных органов с их последующим изъятием) необходимо рассматривать как покушение на преступление.

---

¹⁰⁴ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. С. 187-188.

¹⁰⁵ Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юрист, 2000. С. 273.; Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2005. С. 192.

Во-вторых, одной из проблем квалификации предмета взятки является содержательная сторона умысла, который должен включать в себя размер стоимости предмета взятки. Умысел должен включать осознанность взяткодателем стоимости предмета взятки, так как при отсутствии такого осознанного получения и определенности цены предмета взятки только на основании объективных показателей существенно нарушается принцип виновности. В ч. 2 ст. 5 УК РФ «Принцип вины» установлен запрет объективного вменения, т.е. уголовной ответственности за невиновное причинение вреда, за то, что не охватывалось умыслом виновного лица. Следовательно, в основу всякой квалификации должно быть положено только и не иначе как субъективное вменение, основанное на содержательности осознанной деятельности конкретного лица, деяние которого подлежит квалификации при производстве по уголовному делу. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: должностному лицу передается в качестве «подарка» юбилейная монета в упаковке. Возможно ли определить стоимость этой монеты на момент ее получения со стороны должностного лица? А ведь стоимость таких монет на стеллажах любого отделения Сбербанка России колеблется от 1000 руб. до 150 000 руб., хотя внешне они мало чем отличаются друг от друга. Таким образом, необходимо согласиться с М.А. Подгрушным, что в основу постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного заключения или обвинительного приговора должны быть положены доказательства осознанности получателем взятки стоимости полученного им предмета взятки¹⁰⁶.

В-третьих, неоднозначно решается вопрос о том являются ли услуги сексуального характера предметом взятки. Профессор П.С. Яни полагает, что вступление женщины в интимную связь с должностным лицом (например, с судьей, от которого зависит принятие решения в ее пользу) должно квалифицироваться по ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера», тогда как предоставление должностному лицу сексуальных услуг про-

---

¹⁰⁶ Подгрушный Н. А. Новеллы уголовного законодательства о борьбе со взяточничеством на основании Федерального Закона № 97 от 04.05.2011 года // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 209-215.

ституткой без их оплаты должно расцениваться как взяточничество¹⁰⁷. Данный вывод ученый основывает на тезисе: «Если услуга не имела стоимости, следует признать, что законодатель упустил из виду такого рода ситуации либо посчитал ненужным их криминализировать»¹⁰⁸. Другие авторы, например А.С. Горелик и Б.В. Волженкин, полагают, что взятка в подобных случаях присутствует только тогда, когда взяткодатель оплачивает услуги проститутки, то есть тратит свои средства для удовлетворения интересов взяткополучателя¹⁰⁹.

«Вместе с тем судебная практика, – пишет И. А. Мамедов ни приводя ни одного примера, – не считает сексуальные услуги предметом взяточничества, так как принятие услуг проститутки, равно как и близость с обычной женщиной (а равно с мужчиной), не могут быть расценены как получение выгод или услуг имущественного характера именно потому, что такие услуги не подлежат оплате, ибо они не предусмотрены в российском законодательстве как вид предпринимательства»¹¹⁰. Представляется, что позиция указанного автора не верна по следующим соображениям. Отсутствие в российском законодательстве проституции как вида предпринимательства не говорит о том, что «такие услуги не подлежат оплате». Ведь общеизвестен факт, проституция и не законно, но оказываются на возмездной основе. Отсюда следует, что подобного рода услуги имеют определенную денежную характеристику, а следовательно носят имущественный характер. Поэтому предоставление в качестве взятки услуг сексуального характера является предметом взятки.

Принципиально важно разграничение взятки и «обычного» подарка должностному лицу, предусмотренного ч. 3 ст. 575 ГК РФ, когда он преподносится госслужащему и служащему органов муниципальных образований

---

¹⁰⁷ Яни П. С. Споры о квалификации взяточничества: позиция Пленума Верховного Суда РФ // Законодательство. 2001. № 6. С. 36.

¹⁰⁸ Там же. С. 37.

¹⁰⁹ Горелик А. С. Указ соч. С. 18.; Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000. С. 197.

¹¹⁰ Мамедов И. А. Пути совершенствования уголовного закона в отношении получения взятки (ст. 290 УК РФ) и дачи взятки (ст. 291 УК РФ) // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3. С. 26.

даже и в связи с исполнением им служебных обязанностей, но не превышает 3 тыс. руб. Сама по себе стоимость подарка не является «водоразделом» его с взяткой, вопреки мнению Л.Д. Гаухмана, С.Г. Келиной и других авторов¹¹¹. Превышение этой стоимости есть основание только для передачи подарка в доход государства. Так, в целях борьбы со взяточничеством 26 февраля 2010 г. Министерством финансов РФ был принят приказ № 136 «Об утверждении порядка передачи в Министерство финансов РФ подарков, полученных государственными служащими Министерства финансов РФ в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями». Согласно этому приказу подарки, полученные государственными гражданскими служащими Министерства финансов РФ в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, стоимость которых превышает три тысячи рублей, в соответствии с ч. 2 ст. 575 Гражданского кодекса РФ и ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» должны передаваться государственными служащими в Министерство финансов РФ.

Кроме того, подарок заранее не обуславливается совершением каких-то действий, а передается уже после них. Основное отличие взятки и безвозмездного договора дарения в том, что даритель руководствуется личной симпатией к одаряемому, которая, возможно, возникла и в связи с образцовым исполнением тем своих обязанностей, либо с достойным и порядочным поведением на этой должности. Взяткодатель же преследует конкретную цель: совершение ответных законных или незаконных действий, попустительство к нему по службе, льготное получение каких-либо разрешений и т.д. Соблюдение или несоблюдение порядка дарения, указанного в ст. 575 ГК РФ, не является критерием отграничения подарка от взятки.

---

¹¹¹ Уголовное право. Особенная часть / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М. : НОРМА, 2001. С. 630.; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. Н. Кудряцева. М. : Юрист, 1997. С. 445.; Уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудряцева, А. В. Наумова. М. : Норма, 1999. С. 388.; Гаухман Л. Д. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000. № 6. С. 5.

В заключение настоящего параграфа сделаем следующие выводы.

Учитывая приведенные доводы, а именно рассогласованность норм УК РФ и их недоработанность, а также противоречие механизма уголовного преследования коррупции в негосударственном секторе международным нормам, предлагаем устранить из УК РФ примечания 2, 3 к ст. 201 УК РФ существующего содержания как не способствующие противодействию коррупции, а наоборот, создающие для нее почву. В этом случае будут учтены интересы работников данных организаций и защищены интересы других субъектов экономической и иной деятельности, а также общества и государства в целом, так как управленцы в коммерческих и иных организациях перестанут быть неприкасаемым сообществом.

Понятия «организационно-распорядительные функции», «административно-хозяйственные функции», «постоянное, временное либо по специальному полномочию выполнение функций» определены постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» применительно к должностным преступлениям, в связи с чем, учитывая, что в настоящее время отсутствует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященное непосредственно злоупотреблению полномочиями, мы полагаем целесообразным при характеристике его состава применить указанные положения постановления. Злоупотребление полномочиями может быть совершено только с прямым умыслом.

Объективная сторона составов получения и дачи взятки также позволяют утверждать, что их частью является и поведение другой стороны преступной сделки (принятие взятки должностным лицом или ее предоставление взяткодателем в свободное распоряжение получателя). Такое поведение представляет собой не что иное, как логический результат преступного деяния, который от него не отделим. Именно результативная деятельность должна признаваться оконченным преступлением, тогда как неудавшаяся (в

т.ч. получение должностным лицом ценностей под контролем правоохранительных органов с их последующим изъятием) необходимо рассматривать как покушение на преступление.

Неоднозначно решается вопрос о том являются ли услуги сексуального характера предметом взятки. Отсутствие в российском законодательстве проституции как вида предпринимательства не говорит о том, что такие услуги не подлежат оплате. Ведь общеизвестен факт, проституция и не законно, но оказываются на возмездной основе. Отсюда следует, что подобного рода услуги имеют определенную денежную характеристику, а следовательно носят имущественный характер. Поэтому предоставление в качестве взятки услуг сексуального характера является предметом взятки.

3.2 Предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за коррупционные преступления

Следует отметить, что современное уголовное законодательство об уголовной ответственности за коррупционные преступления неидеально и нуждается в совершенствовании. В связи с этим в рамках настоящего параграфа магистерской диссертации нами будут сформулированы предложения по внесению изменений в уголовно-правовые нормы об ответственности за совершение отдельных коррупционных преступлений.

Превышение должностных полномочий.

Анализируя объективную сторону превышения должностных полномочий, следует делать акцент на необходимость установления явности в преступных действиях должностного лица, которые нацелены на совершение анализируемого преступления.

Закрепление данного признака в объективной стороне превышения должностных полномочий не является новеллой действующего законодательства, он содержался и в ранее действовавших нормам об ответственности за превышение должностных полномочий.

Прежде во многих научных трудах, которые были посвящены освещению разных вопросов квалификации должностных преступлений, указанный

признак рассматривался как очевидный для всех вариантов выхода виновного за пределы полномочий¹¹², то в современной доктрине уголовного права акцент с «объективного» критерия переместился к «субъективному» и признак явности рассматривается как заведомый для виновного выход за пределы предоставленных полномочий¹¹³. Также отдельные исследователи указывают на очевидность, бесспорность превышения законных полномочий для должностного лица¹¹⁴.

Подтверждая важность субъективного начала в понимании явности превышения должностных полномочий, А.В. Галахова полагает, что «указание закона на умышленный характер превышения власти означает обязательное понимание, осознание лицом того, что совершаемые им действия выходят за пределы предоставленных ему полномочий, что он нарушает рамки правовой регламентации его полномочий»¹¹⁵.

В противовес теории уголовного права, судебная практика значение указанного признака не раскрывает: ни утратившее силу Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге», ни Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» не содержат пояснений относительно того, что понимать под явным выходом виновного за пределы предоставленных ему полномочий.

При вынесении приговоров о привлечении виновного к уголовной ответственности по ст. 286 УК РФ, суды также не предоставляют значение этого признака, а только лишь указывают его в судебном акте, хотя и такого ро-

---

¹¹² Галахова А.В. Указ. соч. С. 23-25.

¹¹³ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В.П. Ревина. М., 2009. С. 287.

¹¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Свечкова. М., 2007. С. 1071; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. М., 2008. С. 554.

¹¹⁵ Галахова А.В. Указ. соч. С. 24.

да практика противоречит Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре», в п. 8 которого указано, что признавая подсудимого виновным по признакам, относящимся к оценочным категориям ..., суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака.

В качестве примера приведем следующий судебный акт. Часть 1 ст. 286 УК РФ были квалифицированы действия военного комиссара Пермской области Д. На основании приговора Д., выступая прямым начальником личного состава военных комиссаров, которые находились на территории области на сборах военных комиссаров области и районов г. Перми, действуя из личной заинтересованности, определенно вне определенных рамок своих полномочий, незаконно отдал устное распоряжение военным комиссарам о предоставлении ему ценных подарков или денежных средств, важных для формирования «подарочной комнаты» – резерва подарков для вышестоящего командования. В сумме ему отдали денег и имущества, бывшими в личной собственности военных комиссаров, общей стоимостью 17836 рублей, вместе с тем и государственное имущество на сумму 9230 рублей, что вызвало явное нарушение прав и законных интересов названных лиц и охраняемых законом интересов общества и государства¹¹⁶.

Вышеуказанная ситуация еще раз подтверждает формальное значение (ненужность) рассматриваемого признака для квалификации совершенного деяния как превышения должностных полномочий с позиции характеристики объективной стороны. Ясно, что превышение как противоправное явление либо есть, либо оно отсутствует, а «явное превышение, мы полагаем, выступает избыточной характеристикой выхода за пределы должностных полномочий в контексте ст. 286 УК РФ. Об этом свидетельствует и конструкция

---

¹¹⁶ Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 19.02.2004 г. по делу № 3-74/03 по обвинению Д. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=87912 (дата обращения: 15.06.2017).

состава рассматриваемого преступления: при наступлении общественно-опасных последствий, которые выразились в «существенном» нарушении прав превышение всегда будет явным, а не малозначительным.

В связи с указанным выше мы видим актуальными результаты исследования, проведенного С.В. Смеловой, которое показало, что 57 % практических работников сталкивалось с трудностями при определении «явности» выхода за пределы полномочий¹¹⁷.

Принимая во внимания все вышесказанное, нами были подведены следующие итоги: во-первых, сегодня признак «явности» выхода должностного лица за пределы служебных полномочий рассматривается в уголовно-правовой литературе как субъективный признак, характеризующий отношение лица к совершаемому преступлению; во-вторых, данный признак не имеет своего раскрытия в правоприменительной практике, которая не придает ему самостоятельного значения.

Итак, мы полагаем, что признак «явности» выхода должностного лица за пределы служебных полномочий полностью охватывается субъективной стороной состава преступления. Поэтому утверждение Д.Д. Доиджашвили абсолютно верно: «Именно самому совершающему деяние лицу в момент его совершения должен быть ясен, очевиден факт выхода этого деяния за пределы его полномочий; иначе нет оснований считать превышение власти или служебных полномочий умышленным и ответственности здесь не возникает»¹¹⁸. Действия должностного лица всегда должны как превышение должностных полномочий, если установлено, что виновное лицо умышленно произвело действия вне его полномочий и такими действиями нанесен значительный урон. В связи с этим точка зрения А.С. Снежко, утверждающего, что для квалификации по этой статье «требуется также устанавливать признаки объективной стороны, в том числе действие, которое описано законодателем специфическим образом путем использования оценочного признака «явно

---

¹¹⁷ Смелова С.В. Указ. соч. С. 69.

¹¹⁸ Доиджашвили Д.Д. Указ. соч. С. 25.

выходящее за пределы полномочий»¹¹⁹.

Резюмируя все вышеизложенное, мы предлагаем исключить признак «явности» из диспозиции ч. 1 ст. 286 УК РФ. Одновременно в диспозицию указанной уголовно-правовой нормы предлагаем ввести прямое указание на умышленный характер действий должностного лица. Указанное предложение упростит практическое применение ст. 286 УК РФ, потому как правоприменителю не придется доказывать «лишний», не имеющий значения для квалификации оценочный признак состава.

Как было сказано ранее, сложным вопросом при квалификации превышения должностных полномочий выступает уяснение существенности наступивших последствий.

В уголовно-правовой литературе существуют различные предложения по решению указанного вопроса. В свою очередь, Т.Б. Басова полагает, что в преамбуле к гл. 30 УК РФ следует разъяснить содержание названных общественно-опасных последствий, указав, что существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций не может составлять менее 100 минимальных размеров оплаты труда¹²⁰.

А.С. Снежко утверждает, что необходимо считать существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций или охраняемых законом интересов общества или государства ущерб, превышающий 100 тысяч рублей¹²¹.

Представляется, что раскрытие содержания признака существенности наступивших последствий в отношении материального вреда действительно необходимо в тексте уголовного закона. Это позволит значительным образом облегчить работу правоприменителя, так как хотя бы частично раскроет сущность рассматриваемого оценочного признака. При этом, размер вреда,

---

¹¹⁹ Снежко А.С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 90-91.

¹²⁰ Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 16.

¹²¹ Снежко А.С. Указ. соч. С. 83.

который подпадает под такой признак, должен определяться не произвольно, а с учетом положений действующего уголовного законодательства.

Тем не менее, ввиду того, что категория существенного вреда является более широкой, в большинстве своем охватывающей и материальный ущерб, дифференциация данных последствий в ст. 293 УК РФ («крупный ущерб или существенное нарушение») выглядит дискуссионно. Наиболее верной, исходя из объема и содержания понятий, является конструкция «крупный ущерб или иное существенное нарушение».

Принимая во внимание выдвинутые нами поправки, диспозиция ч. 1 ст. 286 УК РФ должна звучать следующим образом:

«Умышленное совершение должностным лицом действия, выходящего за пределы предоставленных ему полномочий и повлекшее причинение крупного ущерба или иное существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Злоупотребление полномочиями.

Анализ норм об уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями показывает, что они не являются совершенными. В связи с этим необходимо осуществить проблемы, возникающие при применении, ст. 201 УК РФ и сформулировать предложения, направленные на решение указанных проблем.

Следует отметить, что в научной литературе уже неоднократно говорилось, что несовершенство ст. 201 УК РФ мешает эффективному противодействию злоупотреблению полномочиями. Так, А.О. Далгатова пишет: «Одной из наиболее существенных проблем применения статьи 201 УК РФ мы относим несовершенство уголовного законодательства, в частности, следующее: включение в состав преступления оценочных признаков (причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, тяжкие последствия), которые затрудняют их доказывание; включение в состав пре-

ступления в качестве обязательных признаков цели совершения преступления: извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц, либо нанесение вреда другим лицам, требующие объяснения, что стоит понимать под выгодой или преимуществом»¹²². Не смотря на то, что указанный автор приводит конкретные законодательные пробелы, которые, по его мнению, говорят о несовершенстве ст. 201 УК РФ, каких-либо предложений о совершенствовании уголовного закона А.О. Далгатова не выдвигает. Мы считаем, что такая позиция является в корне неверной, поэтому в рамках настоящего параграфа выпускной квалификационной работы будут сформулированы конкретные предложения по совершенствованию ст. 201 УК РФ, а также сформулирована авторская редакция данной статьи уголовного закона.

На наш взгляд, может ввести в заблуждение то обстоятельство, что в ст. 201 УК РФ указаны не просто интересы, а интересы «законные». Можно предположить, что законным интересом организации является уплата налогов. Но это неправильное предположение. Интерес относительно уплаты налогов – это интерес государства, а не организации. Частные интересы не тождественны интересам государства. Во избежание необоснованной уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших налоговые, административные и гражданско-правовые нарушения правильно согласиться с И.А. Клепицким, который полагает, что у организации могут быть и интересы незаконные¹²³, и исключить слово «законным» из формулировки диспозиции ст. 201 УК РФ.

Это предложение не преследует цели предоставления возможности организациям удовлетворять незаконные интересы. Просто реализация незаконных интересов влечет ответственность по другим нормам. Именно организация доверила лицу управленческие полномочия, и только против интересов именно этой организации возможно злоупотребление полномочиями.

---

¹²² Далгатова А.О. Особенности причин злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях (на примере Республики Дагестан) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2 (30). С. 53.

¹²³ Клепицкий И.А. Указ. соч. С. 229.

Государство и общество никаких полномочий этому менеджеру не предоставляло. В отношении государства и общества он выступает в качестве частного лица, такого же, как и другие частные лица, напр., индивидуальные предприниматели.

В практике «использование полномочий» понимается уже «использования положения». Термин «должностное положение» употребляется в статье 290 УК в широком смысле. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹²⁴ указывается на то, что использование положения может выразиться в использовании авторитета и «иных возможностей занимаемой должности».

Ранее считалось, что использование положения правильно понимать узко, как действие, которое совершается лицом только в рамках предоставленных ему прав и обязанностей¹²⁵, эта концепция отвергнута, возобладала другая точка зрения¹²⁶.

Поскольку закон не предусматривает уголовной ответственности за превышение полномочий в организации, целесообразно заменить в ст. 201 УК РФ «использование полномочий» «использованием положения», что позволит преследовать злоупотребления, сопряженные с превышением полномочий управленца.

Есть мнение, что и в существующей редакции ст. 201 УК РФ злоупотребление полномочиями охватывает их превышение¹²⁷. С этим мнением правильно согласиться, так как нельзя превысить полномочия, при этом их

---

¹²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

¹²⁵ Кириченко В.Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы). М., 1956. С. 62-63; Трайнин А.Н. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1957. С. 236-237.

¹²⁶ Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948. С. 326-329; Здравомыслов Б.В. Должностные преступления: понятие и квалификация. М., Юридическая литература, 1975. С. 63-64; Мельникова В.Е. Причины и условия хозяйственных преступлений, совершаемых должностными лицами с использованием своего служебного положения: учебное пособие. М., 1990. С.51-52.

¹²⁷ Волженкин Б.В. Служебные преступления. СПб., 2015. С.257-258; Иванов М.Г. Необходимы ли изменения норм уголовного закона о служебно-экономических преступлениях // Уголовное право. 2016. № 2. С. 33; Раднаев В.С. Проблемы квалификации злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С.98.

никак не используя. Например, если коммерческий директор сдает в аренду складское помещение и присваивает арендную плату, не имея на это права (это право руководителя), он использует полномочие вести переговоры с контрагентами.

Тем не менее, в целях достижения единообразия в практике применения закона, целесообразно «полномочия» заменить «положением».

В настоящее время спорным остается вопрос относительно понятия причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Ряд исследователей полагают: данный вред может быть имущественным и иным экономическим ущербом¹²⁸.

Другие считают, что отнесение к признаку существенности причиненного вреда неимущественных последствий в виде угрозы неплатежеспособности или нерентабельности организаций, морального вреда, затрагивающего деловую репутацию организации, является приемлемым по причине стирания грани между преступлением и гражданско-правовым деликтом¹²⁹.

Однако данную позицию нельзя назвать правильной, поскольку она необоснованно сужает круг правонарушений, квалифицируемых как злоупотребление служебными полномочиями. В частности, п. 18 постановления Пленума Верховного суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» определяет: при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

Нам близка позиция исследователей, полагающих, что вред, причиненный при злоупотреблении полномочиями, может быть имущественным, ор-

---

¹²⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2016. С. 322.

¹²⁹ Гордейчик С. Указ. соч. С. 30.

ганизационным, моральным и физическим¹³⁰.

Имущественный ущерб может выражаться в виде утраты имущества, недополучения должных процентов и т. д.

Необоснованный перевод сотрудника на другой вид работ вполне способен нарушить его трудовые права и характеризоваться моральными издержками. Моральный вред также может выражаться в подрыве деловой репутации от злоупотреблений лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Назначение на руководящую должность лица, не обладающего соответствующим опытом и профессионализмом, часто дезорганизовывает работу структурного подразделения, и такой организационно-управленческий вред способен надолго лишить предприятие слаженного ритма работы.

Физический вред также признается существенным и может выражаться в причинении вреда здоровью людей (легкого или неквалифицированного вреда средней тяжести).

На основании изложенного можно согласиться с А.О. Далгатовой, которая пишет: «Сделать вывод о том, что существенность вреда – категория оценочная и в каждом конкретном случае должно быть принято решение о наличии существенности вреда и о том, в чем он выражается, а также рассмотрен вопрос о наличии причинной связи между вредом и совершенным деянием»¹³¹.

В юридической литературе в качестве существенно вредных последствий злоупотребления полномочиями называют подрыв платежеспособности организации, банкротство или реальную угрозу такового, срыв выполнения важных договорных обязательств, дезорганизацию работы предприятий-контрагентов, снижение рентабельности предприятия или его структурного подразделения, ощутимое снижение налоговой базы, срыв реальных планов

---

¹³⁰ Волженкин Б.В. Служебные преступления. СПб., 2015. С. 159; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. С. 443; Черобедов С.С. Злоупотребление полномочиями по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 65.

¹³¹ Далгатова А.О. Общественно опасные последствия как обязательный признак объективной стороны состава злоупотребления полномочиями // Современное право. 2012. № 4. С. 128.

развития предприятия, потерю рабочих мест, потерю выгодных клиентов, сокращение объемов коммерческой и иной деятельности, утрату организацией маркетингового авторитета и доверия, утечку за рубеж валюты, задержку выплаты зарплаты и других платежей, нарушение трудовых и иных прав граждан, причинение вреда здоровью и т.д.¹³²

По мнению Б.В. Волженкина, существенный вред от злоупотребления полномочиями может выражаться в виде материального (имущественного) ущерба различным собственникам (включая организацию, где служит субъект). При решении вопроса о том, является ли причиненный вред существенным, следует учитывать степень отрицательного влияния злоупотребления полномочиями на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею либо другими организациями материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им материального, физического или морального вреда и т.п.¹³³

Вместе с тем, несмотря на наличие в юридической литературе большого количества определений существенного вреда, имеющих рекомендательный характер, считаем, что законодательство нуждается в установлении единого, универсального критерия или его легального определения.

Таким образом, в целях обеспечения единообразия правоприменительной практики, связанной с определением существенности вреда от злоупотребления полномочиями, предлагаем дополнить ст. 201 УК РФ примечанием: «Существенным вредом в настоящей статье признается ущерб на сумму, превышающую 10 процентов от размера баланса организации, либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью».

В заключение настоящего параграфа отметим следующее.

Принимая во внимание наше предложение по внесению поправок, диспозиция ч. 1 ст. 286 УК РФ может звучать следующим образом:

«Умышленное совершение должностным лицом действия, выходящего

---

¹³² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2002. С. 378.

¹³³ Волженкин Б.В. Служебные преступления. СПб., 2015. С. 260.

за пределы предоставленных ему полномочий и повлекшее причинение крупного ущерба или иное существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Выявленные нами проблемы в изложении норм об уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями и предложенные решения по преодолению указанных проблем, позволяют нам предложить следующую авторскую редакцию ст. 201 УК РФ:

Статья 201. Злоупотребление полномочиями:

1. Использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своего положения вопреки интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства,

—

наказывается ...

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, —

наказывается ...

Примечания. 1. Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях настоящей главы, а также в статьях 199.2 и 304 настоящего Кодекса признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

2. Существенным вредом в настоящей статье признается ущерб на

сумму, превышающую 10 процентов от размера баланса организации, либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая изложенное в рамках магистерской диссертации, следует отметить следующее. Становление норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления в отечественном уголовном законодательстве обусловлено традициями общества в период становления государственности на Руси в IX-X вв. Издавна основными коррупционными преступлениями на Руси являлись: взяточничество, превышение и злоупотребление полномочиями. Четкое закрепление на законодательном уровне уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений происходит в XV-XVI веках и связано с изданием Судебников 1497 и 1550 годов. Дальнейшее развитие норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления обусловлено принятием Соборного уложения 1649 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которыми были уточнены отдельные признаки преступлений коррупционной направленности, а также закреплены новые коррупционные преступления, например посредничество во взяточничестве.

С приходом к правлению советской власти произошел отказ от уголовного законодательства царской России, однако, с 1917 года законодатель уделял достаточное внимание борьбе с коррупционными преступлениями. В первых же декретах советской власти был расширен перечень лиц, которые могли быть привлечены к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений. Основными уголовными законами советского периода были Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов, которые в отличие от ранее действовавшего законодательства отошли от перечисления форм коррупционной деятельности и закрепили конкретные признаки коррупционных преступлений. Более того, именно в советский период происходит четкое разграничение злоупотребления полномочиями и превышения должностных полномочий.

Также можно выделить три типичных уголовно-правовых признака

преступлений коррупционного характера: активный и пассивный подкуп; надлежащий субъект (публичное должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих и иных организациях, а также лица, исполняющие функции арбитров или присяжных заседателей); злоупотребление надлежащего субъекта своими полномочиями в рамках осуществляемых им функций, совершенное в корыстных целях в обстоятельствах подкупа, либо сопряженное с ним из корыстной заинтересованности. Мы пришли к выводу о том, что к коррупционным преступлениям необходимо относить деяния, указанные в перечне № 23, который утвержден Указанием Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016.

Из числа преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления к числу самых поздних можно отнести должностное злоупотребление. Впервые нормы об ответственности за должностные злоупотребления можно встретить в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в статьях 382 и 383 которого установлено наказание за злоупотребление предоставленным правом.

Существенную роль в развитии учения об ответственности за коррупционные преступления сыграл Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. В целом первый советский Уголовный кодекс, в отличие от дореволюционного законодательства, установил уголовную ответственность за злоупотребление властью и сформулировал признаки этого деяния.

Также необходимо отметить, что одной из проблем уголовной ответственности за коррупционные преступления является при квалификации предмета взятки содержательная сторона умысла, который должен включать в себя размер стоимости предмета взятки. Умысел должен включать осознанность взяткодателем стоимости предмета взятки, так как при отсутствии такого осознанного получения и определенности цены предмета взятки только на основании объективных показателей существенно нарушается принцип виновности. Поэтому в основу постановления о привлечении в качестве

обвиняемого, обвинительного заключения или обвинительного приговора должны быть положены доказательства осознанности получателем взятки стоимости полученного им предмета взятки. Неоднозначно решается вопрос о том являются ли услуги сексуального характера предметом взятки. Отсутствие в российском законодательстве проституции как вида предпринимательства не говорит о том, что такие услуги не подлежат оплате. Ведь общеизвестен факт, проституция не законна, но услуги оказываются на возмездной основе. Отсюда следует, что подобного рода услуги имеют определенную денежную характеристику, а, следовательно, носят имущественный характер. Поэтому предоставление в качестве взятки услуг сексуального характера является предметом взятки.

В наибольшей степени коррупционным проявлениям подвержены сферы образования, здравоохранения, соцобеспечения, реже выявляются преступления, совершенные должностными лицами органов власти и местного самоуправления. К сожалению, в последнее время нередки случаи привлечения к уголовной ответственности и сотрудников правоохранительных органов, на которых возложена обязанность по борьбе с преступностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I Правовые акты

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 30. - Ст. 4202.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 19. - Ст. 1139.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 154. С. 14.

II Специальная литература

4 Авдеев, С.В. Злоупотребление должностными полномочиями (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Авдеев. – М., 2006.

5 Аксюк, В.А. Состояние и тенденции развития преступлений за превышение и злоупотребление военнослужащими должностных полномочий / В.А. Аксюк // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2010. – № 1.

6 Антюфеев, С.А. Развитие отечественного законодательства об ответственности военнослужащих за превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями и бездействие власти / С.А. Антюфеев // Право в вооруженных силах. – 2012. – № 1.

7 Артемова, Я.В. История развития злоупотребления должностными полномочиями / Я.В. Артемова // XIX Державинские чтения. Институт права: материалы Общероссийской научной конференции. – Тамбов, 2014.

8 Аснис, А.Я. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования служебного положения:

дис. ... канд. юрид. наук / А.Я. Аснис. – М., 1982.

9 Аснис, А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления / А.Я. Аснис. – М., 2004.

10 Басова, Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т.Б. Басова. – Владивосток, 2005.

11 Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев, Харьков, 1903.

12 Богданов, И.Я. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты / И.Я. Богданов. – М., 2011.

13 Борков, В.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов / В.Н. Борков. – Омск, 2012.

14 Борков, В.Н. Уголовно-правовое значение использования должностных полномочий и их превышения / В.Н. Борков // Уголовное право. – 2011. – № 2.

15 Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издание 1890 г / Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – Ярославль, 1992. – Т. 47.

16 Вейберт, С.И. Взятничество: проблемы квалификации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Вейберт. – Челябинск, 2007.

17 Волженкин, Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины 19-го – начала 20-го века / Б.В. Волженкин // Правоведение. – 1991. – № 2.

18 Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – М., 2000.

19 Волков, В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / В.В. Волков. – СПб., 1914.

20 Галахова, А.В. Превышение власти или служебных полномочий / А.В. Галахова. – М., 1978.

21 Герцензон, А.А. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз – М., 2009.

22 Гончаров, В.А. Злоупотребление должностными полномочиями: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Ростовской области) / В.А. Гончаров. – Ростов-на-Дону, 2007.

23 Горбик, С.А. Публично-правовые основы доктрины ответственности государства за действия должностных лиц в истории права России и зарубежных стран / С.А. Горбик, А.Г. Горбик // Закон и правоприменительная практика: материалы II Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород, 2013.

24 Гущева, Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX– начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Гущева. – Нижний Новгород, 2006.

25 Динека, В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.И. Динека. – М., 2000.

26 Доиджашвили, Д.Д. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий: автореф. дис. канд. юрид. наук / Д.Д. Доиджашвили. – М., 1989.

27 Егорова, Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Н.А. Егорова. – Волгоград, 2006.

28 Есипов, В. Превышение и бездействие власти по русскому праву / В. Есипов. – СПб., 1892.

29 Жижиленко, А.А. Должностные (служебные) преступления (Глава 3 Уголовного Кодекса). Практический комментарий / А.А. Жижиленко. – М., 1927.

- 30 Журавлева, Г. В. Уголовная ответственность за служебный подлог: дис. ... канд. юрид. наук / Г.В. Журавлева. – М., 2006.
- 31 Здравомыслов, Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б.В. Здравомыслов. – М., 1975.
- 32 Ильин, А.А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Ильин. – Ярославль, 2013.
- 33 Исаян, Э.А. Противодействие злоупотреблению и превышению должностными полномочиями в России: история и современность / Э.А. Исаян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 2.
- 34 Ишигеев, В.С. Квалификация должностных преступлений / В.С. Ишигеев, А.А. Христюк. – Иркутск, 2011.
- 35 Калугина, Н.Г. История регламентации ответственности за взятничество в российском уголовном законодательстве / Н.Г. Калугина, С.С. Калугин // Восточно-Европейский научный вестник. – 2016. – № 3 (7).
- 36 Канунников, В.А. Уголовная ответственность за служебный подлог: дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Канунников. – Ростов-на-Дону, 1998.
- 37 Кенигсон, А.В. Проступки и преступления по службе государственной и общественной / А.В. Кенигсон. – Ташкент, 1913.
- 38 Ковалева, Н.М. Должностное лицо и должностное преступление в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.М. Ковалева. – Ростов-на-Дону, 2004.
- 39 Кожевников, М.и Должностные преступления борьбы с ними / М. Кожевников, Н. Лаговиер. – М., 1926.
- 40 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 2011.
- 41 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. – М., 2016.
- 42 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под

ред. Л.В. Бриллиантова. – М., 2010.

43 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М., 2014.

44 Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. – М., 1980.

45 Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М., 2012.

46 Кравченко, О.О. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук / О.О. Кравченко. – Владивосток, 2004.

47 Крюкова, Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России / Н.И. Крюкова // Международная торговля и торговая политика. – 2013. – № 9-10 (79).

48 Курс Уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М, 2002. Т. 5

49 Кучерявый, Н.П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву / Н.П. Кучерявый. – М., 1957.

50 Линовский, В.А. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича / В.А. Линовский. – Одесса, 1847.

51 Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб., 1871.

52 Львович, Е.В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступными: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Львович. – Саратов, 2004.

53 Мирошниченко, Д.В. Коррупция и уголовно-правовое воздействие на нее: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

54 Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1984.

55 Оздоев, М.Т. Должностные преступления: уголовно-правовой ана-

лиз и предупреждение: уголовно-правовой анализ и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук / М.Т. Оздоев. – СПб., 2005.

56 Пинхасов, Б.И. Защита документов по советскому праву / М.Т. Пинхасов. – Ташкент, 1976.

57 Плехова, О.А. Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий: дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Плехова. – Ростов-на-Дону, 2006.

58 Познышев, С.В. Особенная часть русского уголовного права / С.В. Познышев. – М., 1909.

59 Поленов, Г.Ф. Ответственность за похищение, подделку документов и их использование / Г.Ф. Поленов. – М., 1980.

60 Прудников, В.В. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (уголовно-правовые аспекты) / В.В. Прудников. – Краснодар, 2013.

61 Российское законодательство IX-X веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1984. – Т. 1.

62 Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / отв. ред. О.И. Чистяков. – М., 1985. – Т. 2.

63 Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1985. – Т. 3.

64 Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1986. – Т. 4.

65 Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1988. – Т. 6.

66 Сахаров, А.Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву / А.Б. Сахаров. – М., 1956.

67 Семенов, Р.Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов: дис. ... канд. юрид. наук / Р.Б. Семенов. – М., 2005.

68 Смелова, С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Смелова. – Вологда,

2009.

69 Смолицкий, Г.Р. Должностные преступления / Г.Р. Смолицкий. – М., 1947.

70 Снежко, А.С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Снежко. – Краснодар, 2004.

71 Советское уголовное право. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, М.И. Якубовича. – М., 1965.

72 Споршева, О.А. Взятничество: история и современность // Актуальные проблемы современного права и политики: межрегиональный сборник научных трудов / О.А. Споршева. – 2011. – Вып. 12.

73 Сулейманов, Т.М. История ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по российскому уголовному праву (XVII - XX вв.) / Т.М. Сулейманова // История государства и права. – 2013. – № 13.

74 Сулеймаова, А.Д. Злоупотребления полномочиями по российскому уголовному праву: проблемы квалификации и законодательной регламентации: дис. ... канд. юрид. наук / А.Д. Сулейманова. – Казань, 2005.

75 Тарасова, Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Тарасова. – СПб., 1999. – С. 43.

76 Ткачева, Г.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): дис... канд. юрид. наук / Г.В. Ткачева. – Ростов-на-Дону, 2004.

77 Трайнин, А. Должностные и хозяйственные преступления /А. Трайнин. – М., 1938.

78 Трайнин, А. О должностных преступлениях (Должностное преступление, должностное лицо, соучастие частных лиц в должностных преступлениях и система должностных преступлений по Угол. Код.) / А. Трайнин // Право и жизнь. – 1924. – Кн. IX.

- 79 Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В.П. Ревина. – М., 2015.
- 80 Уголовное право России. Особенная часть. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 2016. – Т. 2.
- 81 Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2012.
- 82 Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. – М., 2016.
- 83 Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. – М., 2012.
- 84 Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. Н.Г. Кадникова. – М., 2012.
- 85 Уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Петрашева. – М., 2009.
- 86 Уголовное право. Часть Особенная / отв. ред. И.Я. Казаченко, З.А. Мезнамова, Г.Л. Новоселов. – М., 1997.
- 87 Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. Статьи, введенные в действие. – СПб., 1911.
- 88 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – СПб., 1889.
- 89 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845.
- 90 Утевский, Б.С. Общее учение о должностных преступлениях / Б.С. Утевский. – М., 1948.
- 91 Филановский, Н.Г. Борьба с злоупотреблениями по должности по советскому уголовному праву: автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1953.
- 92 Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посвяательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1912.
- 93 Ширяев, В.Н. Об юридической природе должностных преступлений (Доктрина должностных преступлений) / В.Н. Ширяев // Журнал Мини-

стерства Юстиции. – 1914. – № 3.

94 Ширяев, В.Н. Понятие должностного преступления / В.Н. Ширяев // Юридический вестник. – М., 1913. – Книга III.

95 Шнитенков, А.В. Ответственность за преступления против интересов службы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Шнитенков. – Омск, 2006.

96 Шнитенков, А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях / А.В. Шнитенков. – СПб., 2006.

97 Шнитенков, А.В. Отягчающие обстоятельства в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Шнитенков. – Омск, 1998.

98 Эстрин, А. Должностные преступления / А. Эстерин. – М., 1928.

99 Яни, П.С. Взятничество и должностное злоупотребление: уголовная ответственность / П.С. Яни. – М., 2002.

100 Яни, П.С. Экономические и служебные преступления / П.С. Яни. – М., 1997.

III Исторические правовые акты

101 Уголовный кодекс РСФСР: 27 октября 1960 г.: [утратил силу] // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

102 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1986 г. «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов: [утратил силу] // Ведомости ВС СССР. – 1986. – № 22. – Ст. 364.